

Анна Клименко

Сказочник

Анна Клименко
Сказочник
Серия «Квадрат мироздания», книга 3

Текст книги предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181142

Аннотация

Эртинойс изменился.

Была допущена роковая ошибка, и война опустошила северные земли. Старые хозяева мира пали под натиском чужаков.

Есть ли у покоренного мира шанс быть прежним? Смогут ли самые отчаянные добыть загадочный ключ и открыть врата в прошлое? Есть ли право на жизнь у любви, оплаченной кровью друга? И, наконец, правду ли говорят о том, что под небесами Эртинойса бродит Сказочник, покинувший своего Бога?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Гнилые топи	12
Глава 2. Царица проклятых.	29
Глава 3. Кар-Холом, последний приют.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна Клименко

Сказочник

Пролог

– Хранитель таинств, соблаговоли выслушать. Летуны здесь долго не протянут, нужно возвращаться.

В голосе вояки звенела ненависть, и в этом не было ничего удивительного: стражи никогда не питали теплых чувств к служителям богини-матери, как будто все темное и мерзкое, что только можно было найти в серкт, стеклось под черные жреческие одеяния.

Хофру, не торопясь, поднял голову, с удовольствием отметил, как побледнел наглец – и, чеканя каждое слово, изрек:

– Мы никуда не двинемся до тех пор, пока *искатель* не войдет в полную силу.

Страж нерешительно переступил с ноги на ногу, утапывая хрустящий снег, но уходить не торопился.

– Хранитель таинств, летуны...

Жрец еще раз оглядел стража и про себя отметил, что доблестный воин весьма похож на жабу – круглые глаза навывкате, большой толстогубый рот и гладко выбритые обвислые щеки. Пожалуй лоб можно было смело назвать самым узким местом обличья этого серкта.

– В твоих интересах, чтобы они дожили до заката.

Серкт дернул щекой, скривился. Но перечить не посмел: молча кивнул и, развернувшись, захрустел по насту к товарищам. Стражи грелись у костра, кутались в теплые накидки из небеленой шерсти, то и дело пускали по кругу котелок с кипятком. Семерка ловких, умелых воинов, лучшие сыны народа серкта, похожие друг на друга как братья...

Хофру, отвернувшись, быстро подышал на заочеченные пальцы. К огню его, само собой, не звали – ну какой страж пожелает делить тепло со жрецом? – а если бы случилось чудо и позвали, то все равно пришлось бы отказаться: хрустальное полушарие искателя мерцало, напиваясь силой, и кто знал, когда этот капризный прибор изволит заработать?

Жрец спрятал руки в широкие рукава жреческого одеяния и присел на корточки перед искателем.

Наполовину зарытый в снег, он мог показаться непосвященному простым хрустальным шаром размером с голову младенца, и только жрец мог чувствовать, какая сила была влита Царицей в холодный камень.

В глубине искателя хаотично скользили голубоватые искорки. Они сталкивались друг с дружкой, траектории их полета то закручивались спиралью, то устремлялись к мерзлой поверхности, пытаясь вырваться из глубин прибора на холод.

... Столь ненавистный холод.

Хофру любил зной, сопутствующий народу серкта в их вечных странствиях. А здесь, в этой части неприветливого мира, царили ледяные торосы до небес, жесткий наст, о который летуны резали лапы, и вечный, воистину царственный холод. Куда ни кинь взгляд – белая пустыня, снег и снег до горизонта. Сюда, к острову, можно было идти пешими через замерзшее море, и можно было бы оставить летунов там, где теплее... Но Говорящий-с-Царицей настоял на том, чтобы отряд достиг острова как можно быстрее, словно десять лишних дней что-то меняли; старик был уверен в том, что странствия серкта наконец завершатся, и что пророчество сбудется.

«Неразумно все это», – мысли ворочались лениво и вяло, – «гнать отряд в такую даль только из-за предположения...»

Говорящему-то что? Прогуливается небось по залитому солнцем саду, беседуя с хранителями таинств высшей ступени посвящения. А в это время он, Хофру, замерзает, сидя на корточках перед равнодушным оком искателя. Слушая, как у костра вполголоса злословят на его счет тугодумы, у которых даже мозги состоят из мышц – но которые при этом мнят себя лучшими из лучших...

Он пришел в себя оттого, что начал заваливаться в колючий сугроб. Ну, вот, пожалуйста – еще немного, и заснул бы, а там и замерзнуть недолго! Хофру быстро выпрямился, оглянулся на воинов – те галдели у огня и, кажется, на жреца и вовсе не смотрели. Тогда он подпрыгнул несколько раз, с силой растер пальцы, похлопал себя по плечам. Мелькнула соблазнительная мысль – а не подойти ли к костру? – но хранитель таинств тут же отмел ее. Не хватало еще набиваться к тупицам в товарищи!

– Ну, долго еще ты будешь собираться с силами? – выдыхая вместе со словами облако пара, Хофру склонился к искателю...

И тут его бросило в пот – проспал, проглядел!

В темно-фиолетовой глубине искателя появилась горошина, будто выточенная из кровавнистого граната. Она неподвижно висела на два пальца левее от центра шара, где моргала зеленая звездочка, означающая местонахождение самого Хофру.

«Так, значит, правда?»

Не веря собственным глазам, жрец подышал на искатель, потер рукавом промерзшую поверхность.

«Значит, правда. Конец пути, конец странствиям – ровно до тех пор, пока будет существовать хотя бы один свободный мир...»

Хофру зажмурился – по щекам неожиданно потекли слезы, схватываясь ледяной коркой. Говорящий-с-Царицей всегда считал, что запас миров не истощится, ибо они как умирают, так и рождаются в раскаленных недрах чужих звезд.

Жрец быстро вытер щеки, подхватил искатель и, позабыв о надобности держаться надменно, побежал к костру. Ломая ледяную корку, проваливаясь в снег по колено, нелепо взмахивая руками – лишь бы не упасть... Ибо время дорого, и то, что показывал искатель, не вечно.

– Вставайте, живо, живо!

Серкт неохотно зашевелились, неприязненно поглядывая на хранителя таинств. Им совершенно не улыбалось покидать тепло костра и вновь топтать неведомо куда под предводительством жреца Селкирет.

– Вы оглохли? – хрипло выдохнул Хофру, – я сказал, живо! Летунов берите – и вперед, вперед!

Ближайший к нему серкт повел широченными плечами, презрительно плюнул в подтаявший у костра снег. Кто-то недовольно пробурчал себе под нос проклятия, но в целом колючий взгляд Хофру свое дело сделал: стражи собрались в путь, выстроились шеренгой. Последний вел летунов, четырех выживших – они порывались и оставляли в снегу кровавые следы.

...Но идти пришлось недолго.

Остались позади три обледелых скалы, которые торчали из островка подобно рогам на главе матери Селкирет, и большим снежным одеялом развернулась у ног долина, с севера укрытая от ветров каменной грядой. Вечернее небо фиолетовыми тенями ложилось к подножью четырехступенчатой пирамиды из льда.

Хофру глянул в искатель – похоже, они вплотную подоברались к конечной цели своего путешествия. Гранатовая горошина побледнела, но почти слилась с зеленой искрой, да и сам искатель изменил цвет – порозовел, точно зреющее яблоко.

Вновь зашикали стражи, и легкий ветерок донес до жреца «нож бы в спину и домой». Он резко обернулся, и ближайший к нему серкт тут же опустил взгляд... Тот самый здоровяк, что требовал возвращения.

«Ну-ну», – Хофру одарил воинов самой зловещей улыбкой, на какую только был способен.

– Наша цель близка, славные воины! Возблагодарим же Селкирет за дарованную милость, и вознесем благодарственную вечернюю молитву.

Возможно, стражи ненавидели жреца, но отказаться вознести молитву Матери серкт не посмели. На несколько мгновений каждый из них застыл, склонив голову – а Хофру... Хофру, как и полагалось, ощутил горячий и немного болезненный толчок на уровне солнечного сплетения. Богиня отвечала на молитвы, помогая жрецу подготовиться к трансформе, если, конечно, таковая понадобится...

Хофру пошел первым вниз по склону, не оборачиваясь, прижимая к себе холодный шар искателя и не сводя глаз с пирамиды. От нее веяло Силой, чуждой серкт, опасностью и обжигающим холодом. Но повернуть обратно он уже не мог – да и не хотел. В крови полыхнуло предчувствие хорошей драки... Но вот только с кем? Кого вообще можно было встретить в этой ледяной пустыне?

С каждым шагом росла, ширилась пирамида. Играли тени в глубине ледяных ступеней, что-то дрожало и изменялось в полированных гранях, где не задержалось ни единой снежинки. И напор враждебной Силы возрос, словно чьи-то невидимые и очень холодные ладони толкали Хофру прочь.

Но он все же дошел, остановился перед темно-синим зевом хода, где могли спокойно разминуться два серкта. Искатель – тот словно сошел с ума, переливался всеми цветами радуги, а в центре зловеще мерцала рубиновая звезда.

Хофру быстро спрятал хрустальный шар в сумку – больше он не понадобится, поднял руки со сцепленными пальцами на уровень груди и развернул ладони к пирамиде. Погружение в глубокую медитацию, исход астрального тела – и вот он видит толстые ледяные стены, сквозь которые можно с легкостью пройти, лабиринт ледяных коридоров, в которых Селкирет ведаёт сколько тысячелетий не ступала нога живого существа... Ничего странного, ничего такого, что действительно заслуживало бы внимания жреца. Но искатель не ошибается, равно как не ошибается божественная сила Царицы; Хофру начал проваливаться вниз, сквозь перекрытия, все быстрее и быстрее – в недра мира, носящего странное и непривычное слуху имя Эртинойс.

А затем время остановилось. Хофру висел под идеально гладкими ледяными сводами и не мог двинуться глубже, как ни старался.

Он попробовал смотреть вниз. Оттуда веяло слабым, непонятным теплом; мелькнули широкие ступени, нежно засветились письменами холодные стены квадратной залы – и Хофру наконец увидел то, что искали серкт во всех уничтоженных ими землях. Врата, названные Вратами Ста Миров.

Смотреть на них было неприятно, словно бестелесные глаза Хофру могли испытывать боль. Он и не стал смотреть; ловушек не было – по крайней мере механических, а это значило, что стражи могли смело войти в пирамиду.

Но напоследок он все же внимательно рассмотрел надпись на неизвестном языке, сделанную прямо перед вратами – вдруг да понадобится в будущем?

Вспышка света... Острая, пронзающая тысячью стальных жал. Такая же внезапная, обидная боль над переносицей – словно кто-то шутя ткнул меж бровей острием стилета.

...И Хофру понял, что лежит в снегу перед входом в пирамиду, что хлещущая носом кровь заливает снег, что над ним склоняется один из стражей – с неизменным выражением страха и безгливости на широкоскулом лице.

Вот вам и пирамида. Такая спокойная, безопасная на вид! Ведь его, хранителя таинств, только что вышвырнули прочь из святилища, бесцеремонно, как никчемного раба... Здесь было над чем голову поломать – но, во имя жала Селкирет, пусть это делает Говорящий-с-Царицей!..

Хофру сел, отмахнулся от протянутой руки стража и прижал к переносице ледышку.

– Что нам делать, хранитель таинств?

– Первый, кто достигнет Врат, получит звание капитана стражей и тысячу монет, – тоном невинного младенца сообщил Хофру, – распоряжение Говорящего...

Тысяча монет!

Эта новость вмиг облетела маленький отряд. Стражи, на какое-то время позабыв о своей нелюбви к жрецам, облепили Хофру как мухи кусок мяса и даже помогли подняться на ноги. В голове у жреца бухал тяжеленный молот, перед глазами все еще крутились ледяные ступени и надписи на неведомом языке, которые въелись в память намертво, до конца дней.

– А где они? – голоса серкт доносились как сквозь толстое одеяло, – где Врата?

– Там, – Хофру указал на вход в пирамиду, – идите вниз... ступени...

Жрец едва не сел в сугроб, потому что поддерживающие его руки мигом разжались, и доблестные стражи поспешили добыть тысячу полновесных монет. Никто даже не удосужился спросить, а как, собственно, эти Врата выглядят.

Хофру с улыбкой смотрел, как последний воин нырнул в ледяную синеву пирамиды, оглянулся на урчащих летунов... Будет хорошо, если хотя бы один из них продержится до темноты.

Прошла минута, другая. А затем, словно кровавый всплеск, тишь белой пустыни разрезал вопль. И еще, и еще...

Хофру явственно ощутил, как по спине вниз побежала капля пота. Он медленно двинулся к пирамиде – что такого там стряслось со стражами? Ведь не было механических ловушек, он точно знал об этом – следовательно...

Все оказалось куда хуже, чем можно было предположить – «Но ты ведь об этом догадывался, так? Вся эта сила, скопившаяся в пирамиде, она ведь не просто так ожидала здесь своего часа? И те, кто должен был хранить Врата... Они ведь тоже ожидали здесь, а возможно, ждут и по сию пору?!»

Над пирамидой сгустилась тишина. Из темной утробы ее не доносилось больше ни звука. И четыре летуна, утаптывающих снег – их оказалось даже слишком много, чтобы домчать единственного оставшегося в живых серкт обратно в столицу.

Хофру подошел вплотную к прямоугольному входу. Попытаться?... Или не стоит рисковать?

Старательно взвешивая все «за» и «против», жрец все-таки шагнул в пронизывающий холод пирамиды. Он, в конце концов, хранитель таинств, и его одолеть куда сложнее, чем кучку тугодумов. А если увидеть что-нибудь *действительно полезное*... Говорящему это понравится, даже невзирая на потери.

Шаг. Другой. Третий.

Ничего не происходило.

И никаких следов происшедшей битвы между серкт и хранителями пирамиды. Вообще ни одного намека на то, что здесь был кто-то живой.

Хофру остановился, утер рукавом выступивший на лбу пот. Дальше коридор сворачивал налево, становилось темнее, а тишина была такая плотная, что, казалось, ее можно пощупать.

«Ну-с, поглядим, кто здесь живет», – жрец улыбнулся ледяной стене и медленно, очень осторожно двинулся дальше.

Игра со смертью, именно так это и называется.

Но где же, во имя Селкирет, останки воинов?
Ни крови, ни тел, ни оружия. Вообще ничего...
«Сожрала она их, что ли?»

И вдруг, словно в подтверждение невысказанных мыслей, стены дрогнули – мягко, упруго, как будто пирамида была не из льда, а из живой плоти. Хофру подался назад, к выходу; распластавшись в прыжке, он менял свое тело, обращаясь к Царице, чтобы исцелила раны, обращаясь к богине, чтобы дала силу для грядущей схватки... треснуло по швам жреческое одеяние, вытянулись руки, кожа взялась черной коркой, мгновенно отвердевшей и обратившейся в лаково блестящий панцирь. Но кишка коридора закрывалась слишком быстро.

– Божественная, даруй мне жизнь!

Этот крик вырвался из легких жреца, впитываясь в лед, ставший вдруг пористым и живым. Хофру уже знал, что не успеет – но все же воззвал к самой бессмертной Царице, представил ее такой, какой видел однажды во дворце – юной девушкой с тяжелыми медными косами до самой земли...

И она... Не рожденная женщиной, но сотворенная самым темным ритуалом хранителей таинств – она успела ответить, вбивая клин между Хофру и чужим могуществом.

Закрывающийся коридор дрогнул и замер. На мгновение, короткое и совершенно бесполезное для кого-то другого, но только не для жреца.

Расплющивая и ломая пластины панциря, Хофру с силой вбил свое тело в узкую щель, уперся хитиновыми клешнями в пульсирующий холод стены. Еще одно, самое последнее усилие – и он как пробка вылетел из пирамиды, зарылся в снег...

Потом он долго лежал, будучи не в силах подняться и совершить обратную трансформу. Летуны испуганно косились на *нечто*, раскинувшееся черной кляксой среди сугробов, а Хофру все жадно хватал ртом колющий воздух и думал, думал...

Когда на темнеющее небо выкатился хрустальный серп молоденького месяца, жрец поднялся, возблагодарил Селкирет и ее божественное отражение, то есть Царицу, затем вернулся к своему обычному облику. Кожа на руках оказалась начисто содрана, и жреческие тряпки прилипли к ранам, причиняя боль. Но то были незначительные мелочи, самое главное – он остался жив. И Врата нашлись. А о том, как до них добраться, следовало бы поразмыслить Говорящему-с-Царицей.

* * *

... В главном зале Храма было пусто, темно и тихо. Замерли по углам фигуры четырех Покровителей Эртинойса – огромные, но безмолвные и беспомощные во мраке. Свернувшийся в центре великий Дракон искрился золотом, как будто олицетворяя собой то, что остается даже в подступившей тьме – время.

Блеклый свет луны, просачиваясь сквозь своды из матового стекла, отрисовал на полу размытый квадрат; Дракон, Стерегающий Время, блаженно жмурился в призрачной вуали, кольца его золотого тела продолжали бережно сжимать янтарный шар мира... При этом Дракон хранил такое невозмутимое спокойствие, что одного взгляда было достаточно, чтобы понять: ему в высшей степени наплевать на то, что происходило в этом самом мире.

В тени золотого изваяния – там, куда не добрался чистый свет ночной странницы, стояла ийлура. Ее стан, невзирая на прошедшие годы, не утратил девичьей стройности; длинные черные волосы были заплетены в две простых косы. Со спины ее можно было принять за ийлуру, только-только простившуюся с юностью и вступившую в радостную и горячую пору молодости – но только со спины. Ибо лицо ее напрочь отметало даже мысли о молодости, но отнюдь не потому, что время оставило на нем глубокие борозды. Лицо ийлуры было

идеально гладким и самых правильных очертаний: строгие и четкие линии, огромные глаза, в которых плавился янтарь, высокий лоб, выдающий склонность к раздумьям... Прекрасные сами по себе кусочки мозаики, прилипая друг к другу, складывались в неподвижную, ослепительно прекрасную маску вечности.

Ийлура молча стояла в тени Великого Дракона. Неподвижно, не дыша – почти как изваяния Покровителей в темноте. Но вот она вздрогнула, словно приходя в себя после беспмятства, рассеянно провела ладонью по волосам, приглаживая их.

– Мы стоим и смотрим на закат, – едва слышный шепот запутался в тишине и лунном свете, – мы бессильны изменить ход вещей, как были бы бессильны повернуть вспять приход ночи. Все это лишено смысла... Но мы стоим и смотрим... До тех пор, пока самый последний луч не канет в вечность.

Она зябко обхватила себя за плечи, пытаясь нашарить края шерстяной накидки, но потом осознала, что пришла к Дракону в одном платье, и грустно усмехнулась.

– Мы никогда не были готовы, – буркнула она и медленно пошла прочь.

На границе светлого квадрата ийлура вздрогнула, огляделась. Где-то неподалеку раздались глухие шаги. Тот, кто пришел этой ночью в зал Покровителей, не хотел мешать ей; хотел лишь удостовериться, что все в порядке и ничего плохого не случится...

– Тарнэ, – тихо позвала ийлура, – я знаю, что это ты.

Снова зашуршали шаги, торопливо и беспокойно. Из мрака вынырнул элеан, мельком взглянул на Хранительницу и опустил глаза. Сложенные крылья за спиной походили на серый плащ путешественника – почти вечного путешественника. Лазуритовая бусина в густых черных волосах поблескивала умирающей звездочкой.

– Я просто хотел убедиться в твоей безопасности, Хранительница, – он почтительно склонил голову, – храм Дракона опустел, и кто знает...

– О, даже не думай об этом, – она грациозно, по-королевски махнула рукой, – наши враги не посмеют сюда сунуться. Для них это место мертво... Впрочем, как и мы сами.

– Я беспокоился о тебе, Хранительница, – помолчав, сказал элеан, – то, что происходит с Эртинойсом...

– Но это всего лишь закат, Тарнэ. Мы стоим и наблюдаем, как садится солнце, как растворяются во мраке ночи те, кто жил здесь раньше. Но Великий Дракон по-прежнему спит, а это значит, что Эртинойсу ничего не угрожает. На смену нынешним народам придут другие, затем и они канут в вечность.

Элеан, впервые за всю беседу, оторвал взгляд от пола – и та, которую называли Хранительницей, невольно отшатнулась. В прозрачных аметистовых глазах сына Сумерек блеснула сталь.

– Мы в самом деле ничего не можем изменить, Хранительница? Или... просто не хотим?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – она нахмурилась и отвернулась, обратив взор на Дракона, – как можно остановить наступающую ночь?

– Твое могущество велико, – глухо произнес Тарнэ, – я верю в то, что *безнаказанно* ты могла бы заставить весь мир вращаться в противоположную сторону.

Ийлура резко обернулась – и в зале повисла напряженная, враждебная тишина.

– Значит, ты считаешь, Тарнэ, что я боюсь расплаты? – вкрадчиво поинтересовалась она, – а ты-то, ты сам?

– Мне приходилось умирать несчетное количество раз из-за пустяков.

Он покачал головой, горько усмехнулся.

– У нас ведь есть лазейка? Тот ийлура, который попал в межвременье? Остается только принять решение... О том, когда именно нас не будет.

Хранительница скользкой походкой приблизилась к нему – почти вплотную, положила руки на плечи.

– Тарнэ... Если я пожелаю отодвинуть ночь, расплата будет ужасной.

– Хранительница боится небытия? – аметистовые глаза потеплели.

– Да, боюсь, – внезапно призналась ийлура, – я столько лет жила здесь, что уже не представляю себя без этого места. Без Храма, без Эртинойсы... Без тебя, в конце концов.

– Но если вмешаться во временные потоки, когда-нибудь мы... все-таки *будем*, – нерешительно предположил он.

– Да, возможно, – ийлура убрала руки, шагнула назад, – но где-то нас и не будет, понимаешь? И я боюсь именно этого.

Не говоря больше ни слова, Тарнэ повернулся и пошел прочь от света, в густую тень. Ийлура смотрела ему вслед, затем вновь повернулась к Великому Дракону.

Стоять и смотреть на закат было легко. Даже приятно. И только крошечный червячок тоски по утраченному точил сердце – час за часом, не останавливаясь, отринув даже мысли об отдыхе или просто жалости.

* * *

Дар-Теен разомкнул тяжелые после сна веки. Он еще чувствовал касание шершавых льняных простыней, ощущал лавандовый запах подушки, ловил на щеках невесомое дыхание жасминового сада – ветви непомерно разросшихся кустов нахально лезли в окно комнаты, все собирался их подрезать, да так и не успел...

И вдруг все пропало. Не было ни постели, ни стен, отделанных дубовыми панелями, ни вездесущего аромата жасмина.

Сердце с размаху ухнуло в ледяную полынью: Покровители, но что такого могло случиться? Или все это не более, чем продолжение ночного кошмара, в котором зеленоглазая ийлура Эристо-Вет была на волосок от смерти?

Вместо чистого и немного колючего льна – зеленый светящийся студень, в котором тело плавает как в остывшем киселе, вместо распахнутого в ночь окна – тонкий, словно иголка, черный провал в никуда.

Да и сам он, Дар-Теен, выглядел совсем по-другому, чем перед сном: не в полотняном исподнем, а в полном боевом снаряжении. Пальцы продолжали судорожно сжимать рукоять верного меча.

«Покровители, да что же это?»

Ийлура задержался в киселе, кое-как соображая, что странная зеленая субстанция ничуть не мешает дышать, только воздух получается прогорклым, и на языке остается вкус пепла. Его толкало в спину, тяжело ворочало и несло к черному проколу.

– Фэнтар! – судорожно выдохнул Дар-Теен, призывая бога-Покровителя.

Мыслей не осталось, было только желание бежать, укрыться от страшной черноты. Ийлура попытался нащупать ногами землю – не получилось. Его бережно «несли» к открывшемуся шире провалу. Также бережно, как сладкоежка подносит ко рту редкую сладость.

Дар-Теен бестолково бултыхался в киселе, как муха в паутине; он даже не пытался разобраться – а что, собственно, происходит – и каким образом он из постели угодил в воплощенный кошмар.

«Боги, да это же... Флюктуация!» – вдруг осенило его.

Самое страшное, что вообще можно было придумать. Странные и смертельно опасные явления, происходящие на границе живого и мертвого, на стыке двух миров – того, что продолжал жить, и того, что медленно уходил в небытие.

«Но это невозможно!» – вопил в душе кто-то маленький и жалкий, – «я не хочу!...»

И сознание, заартачившись, отказалось принимать все происходящее за действительность.

Дар-Теен со злостью укусил себя за руку, на глазах от боли выступили слезы – но он не проснулся... И ничего не изменилось.

Причмокивая, разинутая пасть бездны ждала его.

«Но Эристо-Вет! Боги, как же я без нее?!!»

Но когда липкий и холодный мрак сомкнулся над головой Дар-Теена, и вопль отчаяния затих, словно впитавшись в крошечную тьму, ийлуур внезапно ощутил чужое прикосновение к шее.

Тонкие горячие пальцы осторожно скользнули за пазуху, на груди что-то тихо захрустело – и после этого наступила тишина. Безмолвие вечности.

Глава 1. Гнилые топи

Гнилые топи были плохим местом. Злые, истосковавшиеся по крови комары, ржавые лохмотья мха, одевшие кривенькие деревца, сочная травка под ногами – вот вам и все.

Что до обитателей этого восхитительного уголка Эртинойса, то их водилось здесь немного. Даже не водилось: забредали они со стороны и, единожды попав в трясину, возвращались в поднебесье уже *другими*. Без памяти, с единственным желанием кого-нибудь сожрать. Гнилые топи, одним словом...

Шеверт подбросил в костер сырых веток. Тотчас же повалил едкий, выжимающий слезы дым; потом дровишки подсохли и занялись веселее – к склонившимся черным стволам рванулось пламя, обожгло дыханием промозглую ночь.

– Ого, хорошо как горит, – глубокомысленно изрек Топотун.

Он сидел на корточках по левую руку от Шеверта, протягивая к огню большие, похожие на лопаты, руки.

– Точно, хорошо, – согласился Миль, – если бы еще скалозуба подстрелить, то стало бы еще лучше.

Этот стоял по правую руку от Шеверта, выстругивая из толстого сука острый кол. Таким можно было и упыря забить, одного из тех, что нет-нет, да встречались в Гнилых топях.

– Ты же знаешь, скалозубы водятся только в пещерах, – тихо, с легкой укоризной заметила Андоли. Она подсела ближе к огню и протянула ладони к пляшущим язычкам пламени. В багровом свете ее руки казались совсем тонкими, почти прозрачными и вызывающими жалость.

Над поляной воцарилось молчание. Лучшие воины всегда немногословны. Тем более, воины, только что выполнившие опасную миссию.

Шеверт хмуро оглядел команду. Три кэльчу и одна...

Топотун получил свое прозвище за изумительную способность громко топать даже в самых серьезных обстоятельствах. Ну что поделаешь? Походка у парня была такая. Да еще ноги большие, и руки – тоже. Сам Топотун вырос на голову выше среднего кэльчу, немного косолапил и сутулился, словно стеснялся своего роста. Костяные чешуйки на голове, по воле Покровителя заменившие кэльчу волосы, казались вечно вздыбленными, как будто их хозяин постоянно пребывал в ярости, косматые брови срослись на переносице, широкий лоб украшал рваный шрам, отметина в память о драке с *пришлыми*. В общем, вид у Топотуна был еще тот – лишний раз и подойти страшно. Но вот глаза цвета спелых каштанов – они-то как раз были добрыми, с теплым огоньком. И более всего на свете любил Топотун сдобные пирожки, которые по большим праздникам пекла его дорогая матушка.

Миль тоже имел прозвище – Хитрец. Тонкие костяные пластины на висках успели побелеть, и Шеверт был уверен, что этот кэльчу гораздо старше его, лет этак на десять. Но вот незадача – Шеверт сам понятия не имел, сколько прожил под небесами Эртинойса, а потому возраст Хитреца остался загадкой, тем более, что сам он не желал об этом и говорить. Впрочем, кому есть дело до возраста Хитреца? Главное, что он был крепким кэльчу, отлично рубился на мечях и умел готовить огненное зелье. Не то, что пьют – а то, от которого противник превращается в живой факел.

Андоли... Шеверт вздохнул. Андоли была особенной – в основном потому, что не принадлежала народу кэльчу. И еще потому, что прошлое ее было сумеречным. Не темным, как у самого Шеверта, а именно сумеречным: например, Шеверт совершенно не помнил, кем был до того, как попал в подземелья Царицы, но воспоминания о том, что с ним делали в подвалах, и о побеге сохранились великолепно. Андоли – та наоборот, прекрасно помнила

собственную историю и жизнь до того, как оказалась на воле, но при этом наотрез отказывалась поведать о том, как умудрилась сбежать от черных жрецов.

Это казалось Шеверту подозрительным, он не раз намекал на «странность» Андоли Старейшине Керу, но тот упрямо бормотал о том, что «девочку нашли в таком состоянии, что она не стала бы врать»...

Так вот, Андоли... Была молодой элеаной, очень маленькой – ростом ниже Топотуна и чуть повыше самого Шеверта. Светлокожая и черноволосая, как и большинство детей Санаула, с огромными, на пол-лица аметистовыми глазищами, она отличалась от своего народа лишь тем, что не имела крыльев. О том, куда делись крылья, никто Андоли не спрашивал: в ту ночь, когда ее нашли близ Гнилых топей, знахарка Эльда осмотрела ее и сказала, что на спине девушки есть два белых рубца. Неудивительно, если Андоли побывала во дворце Царицы... Если, конечно, она там действительно побывала в той роли, о которой потом рассказывала.

Шеверт вздохнул вторично и устало привалился спиной к поросшему мхом валуну. Дворец, Царица, жуткие подземелья и не менее жуткие опыты над теми, кто хозяйничал в Эртинойсе в старые добрые времена.

Не мудрено, что память пропала, не выдержала и предпочла спрятаться за черными занавесками. Все, что осталось – страх. Каждый камень в подземельях сочился болью тех, кто попался в руки жрецов проклятого народа. А что было до того? Сосущая и голодная пустота. Шеверт не помнил ни себя, ни родных. На диво, в разорванном решете памяти задержались воспоминания о прежнем Эртинойсе, каким он был до исхода богов – и до пришествия странного народа, именуемого себя серкт. С той поры прошло... Двадцать лет.

Он вздрогнул, с трудом вырываясь из липкой паутины воспоминаний. Ночь окончательно вступила в свои права, и над Эртинойсом, сквозь тонкое кружево облаков, помигивали звезды.

Там, в небе, было чисто и холодно – а здесь, в Гнилых топях, грязно и мокро.

– ... Я о том же и говорю, – терпеливо пояснял Хитрец, щурясь на огонь, – вот ты, Андоли, все никак дружка не заведешь. Да, да, чего головой мотаешь? И кому от этого хорошо?

Элеана кокетливо стрельнула глазками в сторону Топотуна, обернулась к Милью.

– И что ты предлагаешь, Хитрец?

Шеверт поежился. Не нужно было брать с собой элеану в поход, не нужно... Пусть она и стала отменной лучницей, но зато почти перессорила Миля и Топотуна. Хитрец – он старше, и превосходно держит себя в руках, а Топотун совсем раскис, смотрит на девушку как на божественный лик самого Хинкатапи. Элеана, судя по всему, получала удовольствие от этой бестолковой игры.

– Сама умная, догадаешься, – ухмыльнулся Миль и выразительно взглянул на младшего в отряде.

Топотун побагровел, сжал огромные кулаки и уставился на угли.

– Догадалась уже, – хихикнула Андоли, – не волнуйся, Миль, ты будешь не последним в списке.

«Язва», – про себя констатировал Шеверт, но предпочел молчать. Пусть себе...

– А длинный он, твой список? – хрипло поинтересовался Топотун.

– Достаточно, – Андоли невинно захлопала ресницами, но при этом сказала как отрезала, – давайте спать, что ли?

И потянулась как дикая кошка. Миль хмыкнул и отвернулся. Топотун бросил на элеану умоляющий взгляд, а затем с преувеличенным вниманием принялся рассматривать лезвие боевого топора.

«И когда же ты образумишься?» – Шеверту стало жаль парня. Желание схватить Андоли за шиворот и как следует встряхнуть стало почти необоримым.

Он окинул взглядом свой горе-отряд.

– Спите, я посижу.

Никто не стал перечить. Улеглись, кто где, Андоли свернувшись клубочком и укрылась плащом, Миль и Топотун просто растянулись на траве, чтобы ноги были поближе к костру, и вскоре над лагерем воцарилась тишина, прерываемая лишь треском веток в огне да тревожными криками ночной птицы.

Шеверт посидел-посидел, прислушиваясь. Конечно, Гнилые топи были плохим местом, но пока никто не вылез из трясины и не нападает... Он нащупал в дорожном мешке свою находку и осторожно – упаси Хинкатапи повредить – извлек на свет.

Это была самая обычная книжка, которую Шеверт нашел в Лабиринте. Толстенькая, в пухлом переплете из шершавой замши, написанная на старом, ныне почти забытом наречии кэльчу. Когда Шеверт впервые открыл ее, то удивился – как могли старые легенды народа Хинкатапи попасть в Лабиринт? Но потом решил – какая разница, как они там оказались? Главное, что теперь их можно было прочесть... Откуда-то он помнил старую речь, теперь уже и не узнать. А чтение легенд – удовольствие, которого Шеверт был лишен вот уже Боги ведают сколько лет.

Шеверт осторожно перелистывал страницы, одну за другой, испещренные каллиграфически правильным почерком переписчика. Создание Эртинойса, четверка богов-покровителей, Бездонный кошелек Хинкатапи... Боги, и как же давно все это было! Правильный мир, четыре народа – и четыре Покровителя. Шейнира, темная мать всех синхов, Хинкатапи, отец кэльчу, Фэнтар Свет несущий, создатель ийлугов и Санаул, отец вечерних сумерек и крылатых элеанов. Где они теперь, боги? Ушли, сгинули в вечности, бросив своих детей на растерзание могущественным чужакам.

Шеверт погладил разворот книги – там был начертан пресловутый квадрат Мироздания, а в центре, как раз на пересечении диагоналей, серебристой краской была отмечена жемчужинка, покоящаяся в кольцах бесконечного драконьего хвоста. Дракон, Стерегающий само время... И пока он спит, продолжает плыть над бездной и сам Эртинойс.

Шеверт тихо выругался. Пропади все пропадом, это ведь сказки! Все эти боги, да и сам Великий Дракон... Если бы они все существовали, разве допустили бы то, что уже случилось?!!

Он листал дальше. Невольно улыбнулся, высмотрев легенду о Великих путях кэльчу; пожалуй, единственное, что следовало бы признать правдой. Эти пути действовали и по сей день, иначе от Кар-Холома до Дворца бессмертной Царицы проклятых пришлось бы добираться не одну седмицу...

«Вот те раз», – удивился кэльчу, когда пальцы наткнулись на вложенный в книгу новый листок, не пергамента – самой настоящей бумаги.

«Наверное, чье-то письмо», – такой была следующая мысль, пока Шеверт разворачивал послание.

Костер злобно пыхнул, обдав лицо жаром – и Шеверт прочитал название текста, записанного чьей-то явно дрожащей рукой.

«Сказочник».

Ему вдруг стало нехорошо. Взметнулась мутная тревога, дурное предчувствие. Сказочник... Это ведь он, Шеверт, удостоился такого прозвища! Потому что умел читать, и потому что рассказывал бледной и вечно голодной детворе занятные истории...

«Сказочник».

– Плохо дело, – пробормотал кэльчу, поспешно сотворяя оберегающий знак.

Хуже некуда, когда твое имя, или даже прозвище упоминается совершенно чужими тебе кэльчу. Предзнаменование поворота в судьбе...

Где-то далеко, словно подтверждая опасения Шеверта, заухал филин. И кэльчу приступил к чтению. Потом начало сыпать мелким холодным дождем, но костер горел жарко – Шеверт только накрыл голову плащом так, чтобы на книгу не капало.

* * *

Многомудрый Хинкатапи, бог утренних сумерек, восседал на троне. Алмазные чешуйки на его голове, именуемые *альтес*, играли в солнечных лучах, отбрасывая на пол и стены мириады крошечных солнечных зайчиков. Тут же, у подножия трона, на маленькой скамье устроился Сказочник. Он казался маленьким и бесцветным по сравнению с Отцом-Создателем, да в общем-то и был он самым обычным кэльчу, которого Хинкатапи забрал к себе не иначе как за умение сочинять и рассказывать истории.

Вот и сейчас Сказочник торопливо записывал что-то в толстый альбом, придерживая его на коленях и ловко макая перышко в пузырек с чернилами.

– А что, – сказал вдруг Хинкатапи, – у тебя недурственно выходит.

– Но мне не сравниться с тобой, отец-покровитель, создавший нас, – быстро ответил Сказочник, продолжая записывать.

– И когда это ты научился лстить?

Воцарилось молчание. Впрочем, и теперь Сказочник не отложил пера, выводя букву за буквой на листах пергамента.

– Хотя это не важно, – вздохнул Хинкатапи и почесал затылок. Несколько алмазных чешуек упали на пол и тут же рассыпались золотистой пылью. – Плохие времена настанут, мой друг. Неужели не чуешь?

Сказочник если и удивился, то хорошо держал себя в руках. Только перо дрогнуло, и на листе расплылось маленькое чернильное пятнышко.

– Я знал, что скоро ты мне об этом скажешь, Покровитель, – глухо произнес он.

– Нам придется уйти из Эртинойса, – продолжил неспешно бог, – я знаю это. Может быть, мы вернемся, а может, и нет.

Сказочник посыпал песком исписанную страницу, затем осторожно стряхнул его и закрыл альбом.

– Ты возьмешь меня с собой, Отец?

– Нет. Я не могу взять тебя туда, где еще ничего нет.

– Но что мне тогда делать, если ты покинешь Эртинойс?

– Ты отправишься вниз, к смертным. И станешь одним из них.

– Я стану тем, кем был... раньше?

– Как получится, – Хинкатапи пожал плечами, – главное, чтобы ты очутился в правильном месте и в правильное время, и сделал то, что станет дорогой к спасению.

Сказочник хмуро покачал головой.

– Я не совсем понимаю, Отец. Ты говоришь загадками.

– Но я же бог утренних сумерек, – улыбнулся Хинкатапи, – тьма рассеется, и обязательно наступит новый день... Но пока царят сумерки – о, это время загадок, малых и больших, глупых и бесконечно мудрых. Знаешь ли ты, какую загадку так до сих пор и не разгадали?

Кэльчу задумчиво поскреб затылок и бросил на Покровителя умоляющий взгляд.

– Самая большая в мире загадка – это ты сам. Единственный вопрос, ответ на который мы получаем лишь стоя на пороге вечности, – строго изрек Хинкатапи и продолжил, – Ты сам как бриллиант, сияющий и многогранный, и каждая грань скользит по миру, изменяя

его... И история мира есть не что иное, как драгоценные россыпи жизней, и каждый камень творит Эртинойс таким, какой он есть и каким будет.

– Но я все равно не понимаю, – грустно признался Сказочник.

– Главное, в правильном месте и в правильное время, – задумчиво пробормотал Покровитель и лукаво улыбнулся.

Сказочник задумался и ничего не ответил. Понуро он побрел собираться в дорогу, которая могла быть долгой – а могла оказаться и короткой, как мгновение между двумя ударами сердца.

* * *

Упырь подкрался незаметно, что, впрочем, было неудивительно.

Тело мягкое, конечности оплыли болотной тиной... Вот и не слышно его шагов в шуршании мелкого дождика. Подкрался он, как на зло, со спины, Шеверт едва успел рвануться вперед, к огню – но плечо все равно обожгло ядом.

– Упырь! – гаркнул кэльчу во всю силу легких, подхватывая из костра здоровенный сук и почти наугад тыкая в крошечную темень.

Что-то зашипело, большое, надутое тело метнулось в сторону, словно размазавшись в ночной сырости. Упырь оказался на редкость проворным, а это значило, что тварь стара, и очень давно шастает по топям, выискивая очередную жертву. Самым обидным Шеверту казалось то, что до прихода завоевателей, *серкт*, не водилось такой пакости в Эртинойсе. А вот приплыли, гады – и пошло-поехало...

Андоли, Миль Хитрец, Топотун уже были на ногах, по привычке спиной к спасительному огню, лицом к опасности, затаившейся в ночи.

– Не заметил сразу, – Шеверт покосился на разодранную куртку. Ядовитая слизь с когтей упыря мешалась с его собственной кровью, это было плохо – но не безнадежно. До Кар-Холома рукой подать, а там старая Эльда поможет.

Он поискал глазами книгу, которую выронил – втопанная в грязь, она тоскливо и укоризненно поблескивала тиснением переплета. Под сердцем больно кольнуло – «эх ты, бедняжка...»

– Где он? Ушел? – Хитрец щурил в ночь темные глаза. В одной руке – верный меч, в другой – круглая склянка с огненным зельем, все равно что полыхающее яблоко.

– Не думаю. Старый, гад. – Шеверт помолчал. Ему показалось, что упыря бородавчатая спина только что мелькнула в просвете между двумя корявыми елками.

– Теперь не отстанет, – Миль присвистнул и подмигнул Андоли, – ну что, красавица, зажарим кровососа?

– Попробуй, – процедила элеана. Она замерла с натянутой тетивой как изваяние. Но вот только Шеверт знал, что никому не тягаться с Андоли в зоркости, и как только ее аметистовые глазки заметят что-то подозрительное, отравленная стрела верно найдет свою цель.

– Шеверт, ты как? – вдруг спросила Андоли, кивнув на пострадавшее плечо.

– Неплохо, – он постарался, чтобы голос звучал спокойно.

Хе-хе, командир еще тот! Не заметил подкравшегося упыря... Смех, да и только!

– Пока неплохо, – поморщился Миль, – ты это, Шеверт... Как только разберемся с гадом, рану прижечь надо.

– Я к Эльде схожу.

– Можешь и не дойти, до Эльды-то, – прошипел гадюкой Хитрец.

Шеверт не стал спорить. Хитрец, конечно, не был приятным во всех отношениях кэльчу, но сейчас он говорил правду. Так что...

– Вот он! – вдруг не своим голосом взвизгнул Топотун, – Во-от!..

Из тьмы как будто надвинулась расплывчатая серая туша, длинные, как зубцы у крестьянских вил когти вспороли воздух. Но Топотун успел пригнуться, рубанул тень – и та, хлюпнув, снова убралась в ночь.

– Задел, задел, – Миль сплюнул под ноги, – еще немного, и он готов.

– А если развернется и в лес уйдет? – подала голос Андоли.

– Да он же безмозглый, этот упырь, – заверил словоохотливый Хитрец, – он теперь не успокоится, пока кого-нибудь из нас не схрумает.

И Шеверту померещилось, что Андоли в сердцах обозвала Миля дураком.

Воцарилось затишье. Трое кэльчу и бескрылая элеана все также стояли кругом, спиной к огню – и оружием к проклятому кровососу. Шелестели редкие капли дождика, над топями висела пелена, сотканная из редкого тумана и запаха гниения...

Шеверт снова покосился на книжку, и ему стало обидно – размокнет, испортится такая находка, напоминание о былом. Обидно до слез... А может, это яд начал действовать?

«Яд упырей туманит разум, и заставляет жертву потерять бдительность», – процитировал кто-то очень здравомыслящий в голове Шеверта.

– Куда?!! – рявкнул Миль, – Назад!!!

– О, Боги, – колокольчиком звякнул голосок элеаны.

Но Шеверт уже склонялся над коричневым переплетом, пальцы погрузились в грязь, выковыривая книгу из холодной жижи.

«Иди-иди ко мне, моя хорошая», – он даже успел улыбнуться.

И в этот миг из мутной темноты топей выскочил упырь, уверенный в том, что жертва больше не будет сопротивляться.

Все произошло очень быстро: Шеверт вдруг увидел нависшую над собой серую тушу, всю покрытую бородавками и слизью, увидел руки-лапы, увенчанные длинными лезвиями когтей. Самым странным оказалось то, что у болотной твари было лицо – не морда, а именно лицо, бело-синее, в черных пятнах, и раньше это лицо могло принадлежать какому-нибудь ийлуру...

«Превеликий Покровитель», – Шеверт смотрел в это страшное лицо и не мог шевельнуться, только прижимал к груди злополучную книжку.

«А сейчас на опытном образце мы опробуем яд, означенный как серкулиум», – вклинился в сознание голос черного жреца серкт, – «очевидно, введенное количество средства не является смертельным, хотя приводит к судорогам».

– Шеверт! – вопль элеаны донесся издалека, как будто Шеверт сидел на дне глубокой ямы, а Андоли парила в небе на несуществующих крыльях.

– Шеверт!!!

Он с трудом отвел взгляд от упыря и отшатнулся, по-прежнему прижимая к груди спасенную книгу.

А в следующее мгновение взвился столб пламени, принявший тварь в свои смертоносные объятия.

– ...Командир наш бесценный, ты в своем уме?

Миль говорил вкрадчиво-спокойно, с холодком в голосе.

Шеверт молча посмотрел вслед удравшему упырю: в ночи полыхало багровое зарево, и это означало, что зелье Хитреца не пропало даром.

– Топотун, давай, держи его, – в голосе Миля вдруг прибавилось усталости, – рану прижечь бы...

– Подождите, – Шеверт удивленно уставился на Андоли, которая появилась перед ним внезапно как тот упырь, – Шеверт, тебе плохо, да?

«Тебе-то что за дело?» – мысленно огрызнулся кэльчу, но вслух ничего не сказал.

Вообще ничего...

Потому что после случившегося оставалось только молчать.

И, конечно же, по возвращении немедленно сложить с себя все полномочия командира отряда. Вот так...

– Шеверт, иди, сядь, – Андоли заботливо взяла под локоть, усадила на одетое в моховую шубу бревно, – ну, пожалуйста, не молчи... Можно... я возьму это?

Худые пальчики коснулись книги, но Шеверт, вместо того, чтобы смириться и отдать ее, только сильнее прижал к себе.

– Да он же не в себе! – Миль в сердцах выругался, – тьфу, это все яд... еще до Кар-Холома его не дотащим...

– Воды мне дайте, – попросил Шеверт.

Теперь... ему уже в самом деле было нехорошо.

Сердце то сжималось и замирало, то начинало гнать кровь с неожиданной силой, а перед глазами прыгали алые мячики.

– Ну наконец-то мы заговорили! – зло прошипел Хитрец, – Андоли, напои его. Да отбери ты у него эту безделицу!

– Не отдает, – пожала плечами элеана, – пусть держит, раз ему так хочется.

– Да он чуть к Покровителям из-за этой дрянной книжонки не отправился!

Они молчали, пока Шеверт торопливо глотал воду.

И, пока над маленьким лагерем сгустилась тишина, он пытался понять... В конце концов, осмыслить случившееся.

А произошло вот что: командир отряда умудрился пренебречь опасностью из-за какой-то старой книжки, и это сильно походило на помешательство. – «Или на действие упыриного яда?»

Все-таки упырь был старый, наверняка много отравы нагулял в топях. Вот вам и результат: из-за ерундовой царапины чуть не стал обедом болотной твари...

Шеверт оттолкнул воду и оглядел свою не очень дружную, но все же команду. Топотун угрюмо сидел на бревне и подбрасывал в костер ветки. Миль стоял, уперев руки в бока, и молча хмурился. Андоли – та просто вертелась рядом, преданно заглядывая в глаза.

– Сказочник, – устало поинтересовался Хитрец, – ты хоть осознаешь, что едва не стал упыриным обедом?

Шеверт кивнул и вымученно улыбнулся.

– Спасибо... Что успели, ребята.

– Да уж, всегда пожалуйста, – голос Миля чуть потеплел, – снимай куртку, посмотрим, как тебя разукрасил болотный гад.

Андоли вдруг хлопнула себя по лбу.

– Ой, какая же я дура!

– Ты думаешь поразить нас этой новостью?

– Не язви, Миль, – тонкие руки элеаны порхали над мешком, – я совершенно забыла, что брала с собой противоядие... Вот, Шеверт, глотни.

– Но прижигание это не отменяет, – Хитрец, похоже, обрадовался.

А Шеверт вцепился в округлый бок фляжки, с наслаждением вдыхая знакомый уже горький запах отвара. Эльда, милая Эльда... Она знала, как бороться с напастью под названием упыри, и чем могла, помогала своему народу.

Он, не морщась, отхлебнул зелья. Затем еще. И еще. Долой заразу из крови! Останется только прижечь рану, чтобы не прихватить какой гадости в топях – и все, все...

– Ну-у, ты нам оставь, – Андоли со смешком отобрала фляжку.

Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Шеверт подумал, что руки у элеаны ну просто ледяные на ощупь.

– Да ты горишь, – нахмурилась она, сдувая упавшую на глаза надоедливую прядь, – ничего, теперь уже не страшно.

А в аметистовых глазах мелькнул теплый огонек – который тут же исчез, как только Андоли повернулась к Хитрецу.

– Готовь железо, Топотун, – скомандовал Миль, – сейчас и покончим с отравой. Нам, в конце концов, еще топать и топать.

Шеверт только поежился, мысленно величая себя слабаком и недоумком. Неживое лицо утонувшего ийлура все еще стояло перед глазами, а за ним – толпились жрецы серкт, и воины серкт, и сама Царица, вся в белом, точно золотая куколка...

«Отец-покровитель, не видеть бы всего этого», – он крепко зажмурился, стараясь изгнать призраков прошлого. Зубы выстукивали дробь, руки тряслись как в лихорадке.

– Подержи его, Топотун, – донесся уверенный голос Хитреца, – и ты, Андоли, тоже.

* * *

...К утру Шеверту стало только хуже, несмотря на все принятые меры. Он привалился спиной к корявому стволу ели и судорожно кутался в плащ, а когда открывал глаза – все вокруг казалось блеклым и расплывчатым, как будто морозящий дождь смывал в топь и деревья, и небо, и самого Шеверта. Именно поэтому отряд не двинулся с места. Топотун с Андоли ушли за хворостом, а Миль остался сидеть рядом, что-то рисуя прутиком на мокрой земле.

Шеверт поймал себя на том, что продолжает прижимать к боку найденную книгу легенд. Это, конечно, было сумасшествием – но ему казалось, что от маленькой и ко всему прочему грязной книжонки исходит спокойное, благодатное тепло...

Кэльчу закрыл глаза: от созерцания смываемого дождем пейзажа начинала кружиться голова, а желудок мигом скукоживался печеным яблоком, грозя выплеснуть наружу то небольшое, что в нем оставалось.

– Миль, – тихо позвал Шеверт, даже не надеясь быть услышанным. Однако Хитрец услышал и молча пересел ближе.

– Что, совсем плохо?

В голосе кэльчу Шеверту послышалась усмешка, он даже приоткрыл глаза и взглянул на кружащегося и оплывающего восковой свечой Хитреца – но тот, похоже, был абсолютно серьезен.

– Осталось сходить туда... в последний раз, – тихо сказал Шеверт, – чтобы все закончилось. Я хочу, чтобы ты повел наших. Не я, а ты.

– Не мели чепухи, – в тон ему прошептал Хитрец, – придешь в чувство и будешь как новенький. В конце концов, никто лучше тебя не знает Лабиринта...

– Ты не понял, – Шеверт качнул головой, отчего весь мир опасно накренился, – я тоже пойду, я ведь... не отказываюсь. Но после вчерашнего я уже себе не доверяю... Сам не знаю, это было как наваждение.

– Наваждение из-за упыриного яда, – добродушно поправил Хитрец, – успокойся ты, ради Покровителей!

Шеверт хмыкнул. Конечно, хотелось все свалить на действие отравы, но... Он крепче прижал к себе теплый замшевый переплет. Только сумасшедший бросится спасать книгу из грязи перед лицом такой опасности. И, разумеется, только сумасшедший будет хвататься за книжку как утопающий за соломинку. Шеверт так и не решил до сих пор – кто, собственно, не в себе: то ли он сам медленно и неуклонно сползал в яму безумия, то ли... то ли книжонка попалась особая, с секретом.

– Обещай, что поведешь наших в Лабиринт, – попросил кэльчу.

– Хорошо, поведу, – покорно согласился Миль, понимая, что сейчас спорить с Шевертом бесполезно, – а ты отдыхай, отдыхай... Может быть, хоть к вечеру двинемся дальше.

Шеверт вновь прикрыл глаза и начал проваливаться в беспокойную дрему. И снова, как раньше, воспоминания возвращали его к началу, которое для Шеверта началось с крошечной темноты в подземелье Царицы.

Там... он был совершенно один. Голова раскалывалась от острой пульсирующей боли, на затылке огнем горела шишка, и – никаких воспоминаний о том, что было раньше.

В подземелье, где не видно ничего, даже собственных рук, холод казался особенно пронзительным, почти живым существом, отнимающим саму жизнь. И там, среди ватной тишины, Шеверт впервые услышал старческий дребезжащий голос, который обещал скорое освобождение.

"Хе-хе, Сказочник, *скоро все начнется...*"

Шеверт вскинулся и тут же, не рассчитав собственных сил, свалился в мокрую траву.

– Нет, ну вы только посмотрите! – над ним склонился Миль, – Чего ты дергаешься? Еще есть время, поспи.

– Что начнется?! – Шеверт вцепился в скользкий от моросящего дождя воротник кэлью, – что ты имел в виду, Хитрец?

На незмеримо короткий миг лицо Миля окаменело, темные глазки впились в Шеверта словно пиявки...

– Андоли, нам бы еще твоего зелья, – устало объявил Хитрец, – давай сюда флягу.

– Что начнется? что? Это ведь ты?.. – и Шеверт вдруг осекся.

Скрипучее «хе-хе», старческий голос в сознании – они просто не могли принадлежать Миллю. Так что...

– Приснилось, – помертвевшими губами выговорил Шеверт, – прости, Миль.

– Да ничего, – тот пожал плечами и резким движением высвободил ворот из хватки Шеверта.

– Погано как все получается, а? – Топотун хмуро качал большой головой, – Сказочник, ты идти-то сможешь?

– Смогу... наверное.

Ему и вправду полегчало. А когда по горлу горячими шариками прокатилось зелье из фляжки Андоли, и вовсе стало хорошо – словно и не было никогда упыриного яда в крови.

...Время перевалило за полдень. Все также моросил мелкий дождик, дымил в лицо костер, выжимая слезы из глаз.

Андоли продолжала кокетничать то с Милем, то с Топотуном – но, как показалось Шеверту, Миль выходил безусловным победителем.

«А, пусть себе что хотят, то и делают», – раздраженно подумал кэлью.

Он придвинулся к костру и осторожно достал из-под куртки книгу. Погладил ее замшевый бочок, испачканный болотной жижей, провел подушечкой пальца по корешку – на душе потеплело, даже костер затрещал увереннее, пожирая сырые ветки.

Шеверт повертел головой и, убедившись, что на него не смотрят, снова раскрыл книгу. Там, где была вложена история про Сказочника.

Бумага оказалась на удивление сухой и совершенно не пострадала от падения в грязь. Шеверт осторожно развернул листок – и вдруг явственно ощутил, как зашевелились на затылке костяные чешуйки.

Легенды про Сказочника, побери ее Шейнира, больше не было. С абсолютно чистого, нового листа бумаги на Шеверта игриво поглядывала коротенькая фраза:

«Ну и что ты об этом думаешь, Сказочник?».

– Покровители, – выдохнул кэлью.

Все, буквально все указывало на то, что он окончательно спятил. Хорош командир!

Он торопливо захлопнул книгу, хотел швырнуть ее в костер – но отчего-то пальцы свело судорогой. Книга снова шлепнулась в грязь, Шеверт от души выругался, хотел было схватить зловредный том и теперь уже действительно предать его огню, но...

– Можно, я посмотрю? – тонкие пальчики элеаны нерешительно коснулись грязной замши.

– Смотри, – буркнул Шеверт и отвернулся.

Это было невероятно. Странно.

Но в тот миг, когда Андоли прикоснулась к зловредной книге, Шеверту очень захотелось вцепиться хрупкой элеане в горло – до тех пор, пока не отдаст *принадлежащее ему*.

«Точно, спятил» – таков был вердикт, безжалостно вынесенный самому себе.

– Гляди, сколько хочешь, – твердо сказал кэльчу, стараясь не смотреть в аметистовые глаза девушки.

– Спасибо, – улыбнулась Андоли.

Шеверт очень надеялся, что она сейчас развернется и уйдет, но элеана расположилась рядышком, подтянула к груди острые коленки и занялась изучением книги, при этом почти уткнувшись в нее аккуратным носиком.

– Легенды кэльчу? – она подняла на Шеверта вопросительный взгляд, – я правильно понимаю?

– Правильно, правильно, – буркнул он.

Андоли достаточно прожила среди кэльчу, и недурственно болтала на родном наречии народа Хинкатапи. А Эльда ее даже читать научила, да еще и на старом наречии – ибо, как считал Шеверт, старухе было совершенно нечем себя занять долгими вечерами.

– Как любопытно, – Андоли захлопала ресницами.

Они были невообразимо черными и пушистыми, ресницы элеаны – и Шеверту напоминали изысканное кружево, которое он, откровенно говоря, видел только единожды на почтенной супруге старейшины Кера.

– Да уж, – ядовито подтвердил Шеверт, ни на миг не забывая об исчезнувшей истории.

Андоли восторженно потерла руки и продолжила знакомство с книгой.

– Мне говорили, что Покровитель Хинкатапи большой любитель шуток, – сказала она, не отрываясь от книги.

– *Был* большой любитель шуток, – уточнил Шеверт, – Покровителей больше нет. Они ушли, а им на смену пришла чужая богиня и чужой народ. Серкт, если ты не забыла.

– А может быть, мы ошибаемся? И Покровители где-то рядом?

– Не думаю, – Шеверт начинал сердиться, – были бы рядом, не допустили бы.

– Чего ты злишься? – голос Андоли вдруг стал мягким, словно шелк, – Шеверт, я вообще замечаю, что ты на меня сердишься... Зазря...

И она вдруг замолчала, впившись взглядом в страницы. Шеверт вытянул шею, заглянул – на что это так уставилась элеана. Ага! Смотрела Андоли как раз на сложенный лист бумаги.

Вот она взяла его, развернула...

– Здесь про какого-то Сказочника, – прошептала девушка и нахмурилась.

– Про Сказочника? Покажи!

Шеверт едва не выбил из тонких рук книгу, жадно пробежался глазами по корявым строкам. И правда, легенда про Сказочника.

– Ты знаешь, – медленно, роняя слова как камни, произнесла элеана, – я где-то уже видела это сказание. Я его знаю... И книга, эта книга, Шеверт!.. Мне кажется, что когда-то... Я держала ее в руках.

Ого! Вот это уже было интересно. Еще интереснее, чем пропадающая легенда. Оказывается, память Андоли имела чудесное свойство то появляться, то вновь исчезать? А не

скрывает ли чего эта худенькая девушка без крыльев? Чего-нибудь такого, что не понравилось бы ни старейшине, ни прочим обитателям Кар-Холома?!!

– Я подобрал ее в Лабиринте, под Дворцом, – сухо ответил Шеверт, – и ума не приложу, каким образом ты можешь быть знакома с этой книжонкой. Разве что сама обронила, когда бежала от серкт?

– Не помню, – Андоли напряженно всматривалась в корявые строки, – не помню... Слушай, Шеверт, а ведь тебя тоже Сказочником прозвали?..

– Да.

Шеверт еще раз глянул в раскрытую книгу, исключительно чтобы убедиться в существовании записанной на бумаге легенде. Все оказалось на месте, так что... Оставалось только сделать неутешительные выводы о состоянии собственного рассудка.

– Шеверт... – Андоли закусила губу, – ты знаешь, а я уверена, что...

Но договорить элеана не успела, потому что из кустов, сопя и пыхтя, вывалился Топотун с охапкой еловых веток. За ним налегке следовал Хитрец, язвительно кривя тонкие губы.

– Так-так, – пропел он, – любезничаем, Андоли?

– Разговариваем, – не моргнув глазом, поправила элеана.

– И о чем же, если не секрет? – Миль обогнул Топотуна и склонился к девушке, – о чем ты можешь говорить с командиром, который, как всем известно, тебя с трудом выносит?

Щекам Шеверта стало жарко, словно склонился над бадьей кипятка. Ох, ну зачем, зачем Хитрец говорит это Андоли?

– С трудом выносит? – элеана протянула Шеверту книгу и заглянула в глаза, словно побитая собачонка, – это правда, Сказочник?

– Конечно же, нет, – Шеверт яростно стиснул замшевый переплет и бросил многозначительный взгляд на Миля, – просто Хитрецу не нравится, что ты болтаешь с кем-то еще... кроме него!

А сам подумал, что – вот оно, сейчас Андоли окончательно всех перессорит. Отрава какая-то, а не девка...

– Все, довольно, – Андоли быстро поднялась, – я попрошу старейшину Кера, чтобы больше никогда с вами не ходить в лабиринт. Надоело, провались все к Шейнире!

«Глупо поминать богиню, которой больше нет в Эртинойсе», – мысленно возразил Шеверт.

– И что это тебе надоело? – Хитрец с деланным удивлением воззрился на нее. Даже руками развел – мол, я изо всех сил стараюсь как лучше, а она...

Пора было заканчивать эту донельзя глупую – а главное, совершенно неуместную сцену ревности. Шеверт, кряхтя, поднялся.

– Миль, собираемся.

– Как скажешь, – Хитрец опасно блеснул глазами, но лицо было словно из камня вырезанное, ни морщинки не дрогнуло.

А в следующее мгновение они услышали вопль, который мог принадлежать кому-то из народа кэльчу.

* * *

Первой опомнилась Андоли. Метнувшись к своим вещам, сваленным в кучу у костра, элеана подхватила лук и колчан со стрелами. И, с вызовом глянув на Миля, обронила:

– Чего ждем?

Хитрец что-то пробормотал, подхватил изогнутый меч и рванулсЯ сквозь жиденький ельник на голос. Топотун – за ним, воинственно размахивая топориком.

– Тьфу, там же топь, – Шеверт в сердцах выругался и поплелся следом за своей ретивой командой.

Осторожно, стараясь не оскользнуться, придерживаясь за лысоватые еловые ветки.

Потом раздался высокий визг, от которого мгновенно заложило уши, и Шеверт понял, что это стрела Андоли нашла свою цель. Которой, судя по звуку, был болотень, огромный мохнатый паучище размером с борова.

– Держись! – крикнул кому-то Миль, и болотень снова заверещал.

Скорее, скорее...

На подгибающихся ногах Шеверт вывалился на мысок твердой земли, вдающейся в зыбкое покрывало из ярко-зеленой травки. Миль добивал болотня, раз за разом погружая клинок в черное, заросшее жестким волосом брюхо, и ловко уклоняясь от дергающихся мохнатых лап. Топотун и Андоли волокли чье-то тело, подальше от топи...

– Серкт! – Шеверт не поверил собственным глазам.

Серкт в Гнилых топях? Такого еще не было. Ни разу за двадцать лет, ни разу за все время прибывания чужаков в землях Эртинойса...

Чужака волокли вниз лицом, за ноги, подальше от болотня. Шеверт коротко ругнулся – нашли кого спасать! Да лучше бы оставили пауку на обед, все ж одним серкт меньше...

– Шеверт! – элеана вскинула на него удивленные глаза, – это ийлур!

Миль коротко вскрикнул и как-то бестолково взмахнул руками. А у Шеверта в горле застрял горький комок, не дающий вздохнуть: болотень, даже умирая, все-таки достал противника. У основания шеи Хитреца словно мазнули чем-то темным, и он, вскинув лицо к серому небу, начал медленно оседать на землю.

– Хитрец? Ми-иль! – взвизгнула Андоли.

Ее тонкие руки безостановочно запорхали, выпуская в брюхо болотню стрелу за стрелой. Но паук, тяжело перевалившись через Хитреца, плюхнулся в болотную жижу и мгновенно исчез под обманчиво-мирным малахитовым покрывалом. Сразу стало очень тихо – словно вместе с тварью в топь ушли все звуки этого мира.

Шеверт, с хрипом хватая воздух, подскочил к распростертому в грязи Милю, схватил его голову, попытался зажать рану, оставленную когтем болотня.

– Андоли, тряпки давай! – голос срывался, – да скорее же!..

Миль спокойно взирал на Шеверта, так, словно они сидели в таверне и ужинали запеченным скалозубом.

– Сказочник... – Топотун тяжело положил руку на плечо, – ты уже ничего не сделаешь.

– Не сделаешь? – Шеверт глянул в бледное лицо молодого кэльчу, – на кой вы вообще полезли к болотню?! Что, железками помахать приспичило?

Он аккуратно положил голову Милиа на траву, вытер о мокрые стебли руки – на зелени остались багровые разводы.

– Превеликий Хинкатапи! Зачем вы сюда полезли? Зачем?!!

Шеверт замолчал, глядя на неповиженного Хитреца, на губах которого так и застыла ядовитая ухмылка. Что тут скажешь... Слов не было, все они утонули в черной полынье злости – и на Андоли, и на Топотуна, и на болотня, и на того здоровенного увальня, из-за которого погиб Миль.

– Шеверт, – напомнила о себе элеана, – это же ийлур...

– Какой еще в Бездну ийлур?! – рявкнул Шеверт и... осекся.

Что же он делает? Он, ответственный за миссию и за команду! Верещит, словно истеричная девица.

Шеверт втянул голову в плечи, посмотрел на Топотуна и Андоли, которая склонилась к добытому из лап болотня здоровяку...

– Возвращаемся в лагерь, – коротко обронил кэльчу, – я... понесу Милиа. А вы – этого...

* * *

Уже очень давно Шеверту не было так тяжело. На плечи будто добрый кусок гранита положили – «или могильную плиту?» – и поэтому спина гнулась к земле, и не хотелось смотреть ни на тщедушные деревья Гнилых топей, ни на пыхтящего Топотуна, который с Андоли напару волок тяжелое тело чужака.

Шеверт брел впереди, перекинув через плечо Хитреца, и старался не думать о том, как будет отчитываться перед старейшиной. О том, в конце концов, что для него самого каждое мгновение запросто может быть последним.

Проклятье! А ведь как хорошо все начиналось... Им удалось без приключений добраться до входа в Лабиринт, за седмицу блужданий по сырым коридорам закончить карту Дворца и незаметно убраться из столицы серкт. Оставалось – всего-то пройти сквозь Гнилые топи, миновать цепочки холмов и спуститься в воронку провалившейся почвы... Гнилые топи, будь они неладны, подсунули-таки подарок!

От таких мыслей Шеверту захотелось взвыть, упасть в грязь и с проклятиями драть чешуйки-альтес с головы.

Но – нет. Он был командиром и не мог позволить себе такую роскошь. Все, что оставалось – это тащить на себе так глупо погибшего Хитреца и время от времени напоминать Топотуну о необходимости поторопиться.

– Все. – он сгрузил свою ношу подле угасшего костра. Мелькнула мысль – неужели так и придется на себе тащить Миля? Может быть, предать его тело земле в Гнилых топях? Но Шеверт отмел ее, как гадкую и недостойную. Хитрец был сильным, умелым воином и, конечно же, заслужил куда лучшего места для вечного сна, чем зловонные болота.

– Пришли, – глухо сказал Шеверт.

Он обернулся: Топотун подтащил чужака на пригорок и выпрямился. Андоли, видимо, не знала, к кому кидаться – то ли к Милю, то ли к серкт, пребывающему в глубоком обмороке. Наконец решение было принято, и элеана склонилась к раненому.

– Это ийлур, – упрямо звякнул ее голосок, – Шеверт, неужели ты не видишь?!!

Кэльчу потер разнывшуюся некстати спину.

– Боги, ну какой еще ийлур? Откуда ему здесь взяться, а? Последних ийлуров я видел в подземелье – и все...

– Подойди и посмотри, – вдруг огрызнулась элеана, – надо бы осмотреть его раны, Шеверт...

Он нехотя подошел к распростертому на земле серкт – а Шеверт был уверен в том, что это действительно пришлый, а не старый добрый обитатель Эртинойсы – и присел на корточки. Отодвинул с лица здоровяка слипшиеся сосульками и измаранные в черной болотной грязи волосы... А потом вдруг понял, что Андоли права. В Гнилые топи чудом угодил самый настоящий ийлур.

– Я же говорила, – мягко прошептала элеана, – ийлур! Вдруг это значит, что они еще не перевелись?!!

Шеверт пожал плечами, не зная, что ответить и будучи не в силах оторваться от созерцания настоящего сына Фэнтара Светоносного.

Невзирая на обилие грязи и болотной тины, при более внимательном осмотре стало ясно, что спасенный от болотня ийлур светловолос и светлож. Широкие брови и слипшиеся стрелками ресницы казались темно-коричневыми – впрочем, как и щетина на щеках и подбородке. Одет он оказался в простую тунику из серой шерсти и такие же штаны. Поверх сквозь слой грязи блестела новенькая кольчуга – большая редкость в нынешнем Эртинойсе.

Сапоги... И сапоги тоже можно было отнести к числу редких и очень дорогих вещей – хотя бы потому, что они были новыми, почти не ношенными и хорошо пошитыми.

– Хотел бы я знать, чьи это шуточки, – пробурчал Шеверт, – настоящий ийлуру... Похоже, северянин.

– Ты встречал таких раньше? – Топотун нетерпеливо переминался с ноги на ногу, только что не подпрыгивая от нетерпения.

– Встречал, – Шеверт повернул ийлура набок, намереваясь осмотреть раны, – я помню этих северян. Себя не помню, а их – да. Заносчивые и гордые были эти ийлуры, пальцем чуть тронешь – сразу за меч хватаются...

Воцарилось молчание. Топотун наверняка обдумывал, как себя следует вести с ийлурами, он родился после нашествия серкт и после того, как их проклятая Царица построила башню Могущества на крови двух народов. Андоли – та попросту принялась помогать Шеверту.

– Не понимаю, – ее пальчики проворно ощупывали неподвижное тело, – открытых ран не видно, а он не приходит в себя...

– Болотень мог подпустить ему яду, чтобы оставить про запас, – Шеверт осторожно заглянул за ворот туники, – смотри, что с ногами, Андоли...

– Ага, нашла, – отозвалась элеана, – опухоль.

– Это и требовалось доказать, – заключил Шеверт, – да тут еще...

– Что?

Вмиг Топотун и Андоли оказались рядом, заслонив и без того тусклый свет.

– Тьфу, да не мешайте... – Шеверт запустил пальцы под тунику, там, где белела нетронутая загаром шея, – просто мне показалось... что... О, ну вот оно.

Он нащупал свернутый в тугую трубочку кусок хрустящего пергамента. Сердце зашлось в суматошном беге, пришлось вдохнуть поглубже и выдохнуть.

– Вот оно, – растерянно повторил Шеверт, разворачивая находку.

И там, на почти забытом им Общем, было написано: «Ищи Темную жрицу, у нее ключ. Все еще можно вернуть».

– Чепуха какая-то, – разочарованно протянула Андоли, – Шеверт, ты хоть что-нибудь понимаешь?

– Не понимаю. Пока. – он быстро сложил пергамент и сунул в кошель на поясе, который использовался не для хранения монет, а для разных мелочей, полезных в походе. Например, для отмычек или наконечников для стрел.

Элеана выпрямилась, откинула со лба смоляную прядку.

– Я хочу дать ему остатки противоядия. Можно?

Он только рукой махнул, предоставляя элеане право решать самостоятельно. Неразумно, конечно, тратить ценный отвар на невесту откуда взявшегося чужака, ну да ладно... Вдруг он принесет в Кар-Холом хорошие вести с севера? Например, о том, что ийлуры выжили и собирают силы для решающей битвы?..

Шеверт покачал головой. Вряд ли... Башня Могущества, черным клыком торчащая из плоти Эртинойсы, выпила слишком много жизней, а жрецы проклятого народа завершили то, что начала их Царица.

– Да тише, тише ты, – шикала на Топотуна бескрылая элеана, – осторожнее!

Шеверт покосился на молодого кэлью: оказывается, тот разрезал штанину и деловито ощупывал место укуса болотня. Ближе к колену, на голени вспух гнилостно-зеленый пузырь, и вверх по ноге медленно ползли аспидно-черные прожилки.

– Надо резать, – Шеверт нехотя присел над чужаком, – иначе лишится наш гость ноги. Андоли бросила на него понимающий взгляд.

– Тогда это надо сделать прямо сейчас, Сказочник. Пока он без сознания.

На том и порешили. Топотун подбросил смолистых веток в костер, накалили докрасна нож Миля.

– Готовь тряпки, – коротко бросил Шеверт, даже не глядя на Андоли.

И решительно погрузил раскаленный металл в голень ийлур, быстро поворачивая его и вырезая опухоль. На руку брызнул зеленоватый гной, смешанный с кровью, но Шеверт лишь зубами скрипнул. Быстрее, еще быстрее... Шипение прижигаемой плоти смешалось с тяжелым дыханием Топотуна, по воздуху плыл тошнотворный запах горящего мяса.

– Вот и все! – Шеверт ловко отшвырнул вырезанный нарыв и выпрямился. Пустой желудок корчился и переворачивался под ребрами; стало душно – Боги, ну хоть бы ветерок подул, что ли...

Андоли понадобились считанные минуты, чтобы наложить тугую повязку. Старая Эльда научила ее всегда брать с собой полоски чистой, прокипяченной холстины и, надо признать, еще ни разу они не валялись без дела.

«Не успели Хитреца спасти, так хоть этому поможем...» – мрачно подумал кэльчу.

Он отошел и присел на подгнившее бревно. Яд упыря все еще давал о себе знать, словно шипами трогая под сердцем.

Элеана тем временем легко разжала зубы ийлур и маленькими порциями принялась вливать снадобье. Топотун сидел рядом на корточках и ревниво наблюдал за тем, как тонкие пальцы Андоли осторожно – едва ли не с нежностью – касаются лица незнакомца.

«Ну, вот и ладно», – подумал Шеверт, – «теперь еще добратись бы до Кар-Холома. С мертвым Милем и раненым ийлуром. А как все хорошо начиналось!»

* * *

Начиналось-то хорошо, а вот закончилось...

Вернее, и не думало заканчиваться.

Пока ийлур скрипел зубами в беспокойном беспамятстве – его пришлось связать, чтобы не натворил бед – остатки команды собрались на военный совет.

Два кэльчу и элеана, ставшие по злой иронии судьбы надеждой и Кар-Холома, и всего Эртинойса. Надеждой для тех, кто еще остался жив после убийственного ритуала Царицы.

– Тащить двоих не стоит, – упрямо бубнил Топотун, и было трудно не признать его правоту.

– Но предать тело Миля земле в Гнилых топях – это тоже неправильно, – возражала Андоли.

– Вот, пусть ийлур его сам и несет, – брякнул парень и осекся, поняв, что сболтнул глупость.

Шеверт и Андоли сделали вид, что не слышали: ийлур и сам не скоро сможет передвигаться самостоятельно. Если вообще поднимется – яд у болотня имел отвратительное свойство убивать очень медленно, и предпринятых усилий могло оказаться недостаточно.

– Я могу сходить в Кар-Холом за подмогой, – наконец предложила элеана, – вы же знаете, я быстро обернусь.

– Никуда ты не пойдешь! – вконец разозлился Топотун, – еще чего не хватало!

– Но я...

– Ты женщина, – в голосе парня сквозило превосходство, – ты не сможешь защитить себя.

Андоли только покачала головой и уставилась на Шеверта так, словно он один мог разрешить их спор.

– А Топотун прав, – Шеверт усмехнулся, – это неприятно, Андоли, но ничего не поделаешь. Ты хорошо стреляешь, но это – Гнилые топи. Здесь по одному лучше не шастать, а

то попадешь на обед к упырю, или к тому же болотню. И будем мы тебя до-олго ждать, у костерка сидючи.

Элеана вскочила, нервно обхватила себя руками за плечи.

– Ну, хорошо. Что ты можешь предложить, Шеверт?

– Идите вдвоем, а я останусь.

– Останешься *один*, – не преминула ужалить элеана, – а если на тебя кто позарится?

– Невелика будет потеря. А вы все-таки молодая кровь, и много чего сделаете для наших. Только карту с собой возьмите и передайте ее Керу. А то вдруг и правда со мной что приключится...

Они ушли ровно в полдень, а Шеверт вернулся к костру. Гнилые топи, провалились они в Бездну. Мерзкий, не закрывающийся нарыв на теле Эртинойсы – Шеверт был готов поклясться, что болота появились здесь сразу же после постройки Башни Могущества. Раньше... кэльчу совершенно не помнил себя, но точно знал, что вблизи холмов на юго-востоке Эртинойсы *никогда* не было топей, точно так же, как не было ни упырей, ни болотней...

«Ну, ничего-ничего, недолго осталось», – с ненавистью подумал Шеверт.

Они соберут все силы и убьют Царицу народа серкт. А не будет вечной Царицы – чужаки утратят власть над миром, и вымрут – или будут вынуждены просто уйти... Не сразу, конечно, постепенно... И тогда – быть может – из подвалов проклятого дворца выйдут на свет последние из ийлугов, и взлетят в небо уцелевшие элеаны. И все будет, как раньше – «Не будь ты дураком, Шеверт. Былого не вернуть, все равно останутся шрамы.»

От мокрой земли шел промозглый, неприятный холод. Шеверт нахохлился, кутаясь в плащ, который ему оставила Андоли. Надо же – за всей этой суматохой совершенно забыл про книгу легенд...

Желание погладить замшевый переплет оказалось настолько сильным и неподвластным рассудку, что Шеверт поднялся, дошел до своей сумки и извлек оттуда странную находку.

Усмехнулся, поглаживая вымазанный в грязи корешок – «Главное, не сойти с ума окончательно!» – и храбро открыл книгу на том месте, где была вложена легенда про Сказочника.

Все оказалось на месте. И сложенный вчетверо лист бумаги, и сама легенда.

Шеверт вздохнул с облегчением – значит, исчезновение текста можно было смело списать на действие яда и на галлюцинации. Значит, старина Шеверт все еще в твердом уме, а это тоже прекрасно, потому что хуже нет, когда не можешь доверять самому себе.

Он снова принялся листать книгу, добрался до последней страницы; все было знакомым и близким сердцу.

«И когда понял покровитель Хинкатапи, что народ его возлюбил драгоценности более, чем его самого, решил он проучить кэльчу. Он насадил самых лучших драгоценных камней в своды огромной пещеры, где стоял город Кар-Холом. Те, кто увидели богатство, не смогли устоять перед соблазном – они набросились на камни, и продолжали добывать их до тех пор, пока не подточили свод и он не обрушился на город».

– М-да, – хмыкнул Шеверт.

Бог-покровитель кэльчу слыл большим шутником, только вот шутки его порой были слишком кровавыми... Кэльчу шумно захлопнул книгу и бережно вернул ее в сумку, думая о том, что обязательно почитает эти истории детворе.

А потом обернулся – и совершенно случайно встретился взглядом с чужаком, который, оказывается, пришел в себя и молча наблюдал за Шевертом. Глаза у ийлора оказались в точности такими, какими и представлял их себе кэльчу – яркими, небесно-голубыми, словно кусочки лазурита.

«Точно, северянин», – удовлетворенно подумал Шеверт. А вслух, на почти забытом Общем, поинтересовался:

– Ты говорить можешь? Меня понимаешь?

Похоже, остаток времени до возвращения Топотуна и Андоли обещал быть интересным.

Глава 2. Царица проклятых.

... Утренняя служба, казалось, будет длиться бесконечно. Все плыло, растворялось в тяжелом и душном сумраке – и ароматные дымки курильниц, и произнесенные шепотом молитвы, и пение девочек у алтаря, чьи звонкие голоса должны были услаждать слух великой матери серкт.

Молитвы были привычные и заученные наизусть еще в глубоком детстве. Первая – для Царицы, дающей жизнь народу вечных странников, вторая – для богини Селкирет, дарующей избранным силу *искать и сражаться*, третья – для хранителей таинств, совершенствующая дух и тело, позволяющая хоть на миг, но стать ближе к богине, а значит – стать сильнее...

Так уж повелось: следуя дорогой вечного поиска, жрецы проводили ритуал открытия нового пути. Царица погибала под жертвенным ножом, а ее народ двигался дальше, в неизведанные земли – чтобы вновь создать Царицу, и существовать, впитывая жизнь нового мира.

Появившись из золотого яйца, бессмертная Царица была слабой, и ей требовалась пища – но суть правительницы серкт была еще и в том, что она могла сама добыть себе пропитание, страшное и кровавое, от одних мыслей о котором даже привычного жреца бросало в дрожь.

Затем, окрепнув, Царица возводила башню Могущества – и эта тонкая, как игла, башня была истинным и единственным источником жизни для народа серкт. Исчезни башня Могущества – неоткуда будет Царице черпать жизнь для своего народа, исчезни Царица – некому будет передавать силу башни изнеженным нобелям и жрецам, исчезни жрецы, хранители таинств – не получат простые серкт живительную влагу жизни. Все так просто и сложно одновременно, и в этом проклятие народа серкт, вынужденных искать новые и новые миры, опустошать их, отбрасывая сухую оболочку, и двигаться дальше.

Будучи несмышленным юнцом, Хофру не единожды задавался вопросом: а правильно ли то, как живут серкт? Не слишком ли велика цена за возможность существовать, которую, вообще-то, платят другие?

Пытаясь найти ответ, он молился, медитировал и воздерживался от пищи и воды. В один прекрасный день даже упал в голодный обморок на глазах наставника, за что был сурово наказан.

«Ты хочешь уморить себя?» – поинтересовался тогда немолодой уже жрец, – «но отчего? Неужели так ненавистна тебе твоя судьба, данная волей Селкирет? Великое благо – стать жрецом, и твоя семья гордится тобой».

Он сухо рассмеялся, узнав истинную причину страданий послушника.

«Послушай разумного совета, мальчик. Не ищи ответов на такие вопросы – ведь ни одна тварь не сможет ответить тебе почему живет. Подумай лучше вот о чем: если бы народ серкт был неугоден вселенной, разве существовали бы мы?»

То есть, подумал Хофру, если мы есть, значит кому-то это нужно. И все.

Таким образом на пустых размышлениях была поставлена жирная точка. Послушник Хофру истово молился, и Селкирет ответила, осенила своим дыханием. Мальчишка стал одним из самых могущественных жрецов народа серкт, закаляя собственный разум в учении, а сердце – в горячей крови тех, кто был неугоден великой богине.

...Служба завершилась привычным жертвоприношением – на алтарь Селкирет, выточенного из цельного куска черного агата, был торжественно возложен скорпион. Несколько минут он бегал по вогнутой полированной поверхности, а затем вспыхнул темно-алым пламенем и во мгновение ока осыпался щепоткой пепла. Девочки, стоявшие полукругом у алтаря, умолкли, воцарилась торжественная тишина.

– Да принесет новый день свои плоды вечным странникам, – прозвучал глубокий, мягкий голос Второго Говорящего.

И присутствующие начали расходиться – нобели неспешно, подбирая длинные белые накидки, жрецы – деловито, вполголоса обсуждая последние новости храма, стражи – громко топая и грохоча латами.

Хофру потянул носом привычный запах ароматной смолы и двинулся в сторону алтаря Селкирет. Во-первых, хотелось принести еще жертву, от себя – за спасение из ледяных объятий пирамиды, а во-вторых – он вовсе не собирался покидать храм. Скорее наоборот – разыскать Говорящего и поведать тому о выполнении задания.

У алтаря замешкалась девочка, одна из поющих, вскинула на жреца перепуганные глазенки – ну конечно, судя по расшитому шелком одеянию, она принадлежала высшему кругу благородных. Как же не бояться этих странных и страшных жрецов?

Хофру усмехнулся, погрозил девчонке пальцем, и она, тихо ойкнув, бойко зацокала каблучками по каменному полу. Жрец отвязал от пояса кошель – ритуальный, черного бархата – и вытряхнул на алтарь еще одного скорпиона.

– Благодарю тебя, мать серкт, за дарованную мне Силу. Осени милостью и Царицу нашу, отражение твое в зеркале бытия.

Вспышка – и скорпион исчез, принятый Селкирет. Осталась щепоть невесомого праха, которую тут же подхватил сквозняк.

Хофру, вполне удовлетворенный, пошел дальше – за алтарь, в темный зев коридора, который вел в личные апартаменты Говорящего с Царицей. Промозглый холод забирался за ворот, в широкие рукава. И отчего бы не быть в храме такому же сухому зною, как снаружи? Святилище народа серкт, все-таки... А холод и сырость словно в забытой гробнице...

Из омута глупых и совершенно несвоевременных мыслей Хофру выдернул скрипучий голос Говорящего – который, оказывается, шел навстречу.

– А, брат Хофру! Хорошо, что ты поспел к утренней молитве. Я уж начал беспокоиться, не приключилось ли беды...

Хофру откровенно не любил Говорящего-с-Царицей. Тот всем своим видом напоминал сухую щепку, на которую кое-как намотали черные тряпки – да и для прочих жрецов он был как здоровенная заноза в пятке. Находясь в храме, Говорящий умудрялся быть одновременно повсюду, высматривая, прислушиваясь, домысливая и карая тех, кто менее всего заслуживал наказания. Молить о прощении было бессмысленно – также, как было бы бессмысленно уговаривать обычную деревяшку. Пытаться всучить дорогой подарок и того хуже: Говорящий давным-давно отказался от благ телесных во имя духовной близости с богиней Селкирет.

Глядя в сутулую спину Говорящего, меж торчащих острых лопаток, Хофру думал о том, как наилучшим образом преподнести результаты своих походов. И дело было даже не в семерых стражах, навсегда оставшихся в ледяном чреве пирамиды! Более всего жреца беспокоило то, что до Врат Ста Миров он так и не добрался, а это означало, что предстоит еще не один поход на север, в лютый холод, в ледяную пустыню... Хофру передернул плечами. Пропади все пропадом, возвращаться туда очень не хотелось.

Говорящий отворил дверь – не куда-нибудь, а в собственную «келью». Огромные залы – но большей частью пустые, из мебели только жесткие стулья, стол, кровать с жидким одеялом... И – пыль, паутина. Никто здесь не убирался – или Говорящий попросту не пускал сюда никого из прислуги.

«Да-а», – Хофру быстро огляделся, – «видать, и вправду из ума выживает наш Говорящий-с-Царицей».

– Ну вот, – миролюбиво проскрипел жрец, – здесь мы можем беседовать спокойно, подальше от чужих ушей. Садись, будь любезен...

Он отбросил за спину капюшон, и несмелый солнечный луч скользнул по черной и давно немой шевелюре Говорящего. Только виски жреца припорошило сединой – и это в его-то годы!

Хофру послушно взял табурет, смахнул пыль и уселся ближе к столу. И тут же впились в лицо черные глазищи Говорящего, выпытывая, копаясь в сознании.

– Я сам все изложу, – быстро сказал Хофру, – впрочем, здесь и излагать особенно нечего. Да, я нашел то место, где сокрыты Врата...

Говорящий с громким хрипом втянул воздух и закашлялся. – «Вот еще, как бы не помер!»

– Тебе нехорошо, Говорящий? – пришлось вскочить на ноги и заботливо поддержать жреца под локоть, – ты садись, если тебе плохо, то я могу позвать кого-нибудь...

– Рассказывай дальше, Хофру, – желтые пальцы-деревяшки впились в рукав.

– Это была ледяная пирамида, – он снова уселся, теперь уже напротив Говорящего.

Длинное желтое лицо последнего застыло, словно изваянное из песчаника.

– Продолжай, Хофру.

– Но до Врат мы так и не добрались! – он развел руками, – пирамида, она... Я даже не знаю, как это объяснить. Там слишком много Силы, древней силы. И пирамида оказалась живой. Семь стражей погибло...

Хофру замолчал, переводя дыхание. Наверное, говорить о том, что он сам их туда отправил и пообещал золотишка, не стоило.

– Я тоже был в пирамиде, – негромко продолжил он, – она живая, эта пирамида. В самом деле живая! И, похоже, она поглощает каждого, кто посмеет в нее войти.

Говорящий молчал. Он откинулся на высокую спинку стула и пристально взирал на Хофру – словно сама Селкирет глядела сквозь злые щелки-глаза. Затем, пожевав тонкими губами, Говорящий спокойно поинтересовался:

– А что дала медитация?

– Врата действительно там. Я... видел их. Потом меня оттуда выбросило. Но они точно там! – Хофру тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания.

– Великолепно.

Говорящий потер сухие ладони, снова подозрительно уставился на Хофру.

– Что ты видел, брат? Надписи, рисунки? Что-нибудь там было?

– Было.

– Вот и замечательно! – Говорящий рассмеялся, а Хофру вторично усомнился в здравости его рассудка, – Вот и замечательно! Если есть Врата, то мы обязательно найдем к ним дорогу. Ключ ведь тоже здесь... И нам не хватает какой-нибудь мелочи, чтобы попасть внутрь Пирамиды...

Внезапно Говорящий умолк, затем хлопнул ладонью по столешнице.

– Ты хорошо потрудились, брат Хофру! Сегодня же ты удостоишься великой чести, клянусь Селкирет... Я представлю тебя Царице. Ведь тот, кто нашел Врата, достоин узреть отражение Селкирет в нашем плане бытия.

Наверное, нужно было благодарить. Но у Хофру слова застряли в горле. Идти во Дворец? Но зачем? Поглядеть на зудящих, словно мухи, nobелей? Или – еще того хуже – толкаться среди огромных стражей?

– Мне бы хотелось побыть в храме, – смущенно пробормотал он, рисуя пальцем на пыльной столешнице, – я должен вознести благодарственные молитвы...

– Хофру-у-у, – насмешливо протянул Говорящий, – Териклес не отказывают, мне ли объяснять это? Не далее, как сегодняшней ночью она пожелала лицезреть того, кто собственными глазами мог увидеть Врата.

Будь Хофру простым послушником, он бы удивился – хотя бы тому, что Говорящий посещает божественную Териклес в ночное время. Но став жрецом, он узнал многое: например, то, что Говорящий-с-Царицей, и вовсе не должен отходить далеко от трона. На то он и нужен был, этот верховный жрец, Говорящий-с-Царицей – чтобы оберегать Териклес, чтобы принимать от нее саму жизнь – которая текла сквозь Говорящего к прочим жрецам... Смех, да и только: Териклес предпочитала давать жизнь глуповатым нобелям, а хранители таинств были вынуждены вымаливать ее, словно попрошайки...

Жрец Хофру знал многое. Впрочем, как и то, что мир несправедлив – а потому он покорно кивнул.

– Я буду во Дворце, Говорящий.

– Вот и славно, брат Хофру.

* * *

Дворец напоминал пожелтевшее кружево на фоне ярко-синего неба. Он возвышался над городом, бросая на кубические дома серкт резные тени. Он был сердцем города точно так же, как Царица – сердцем народа вечных странников, и потому был прекрасным ровно настолько, насколько хватило фантазии архитекторов и сил рабов.

Хофру задержался ненадолго, рассматривая ажурное плетение баллюстрад, крытых галерей, дремлющих и окутанных полуденным зноем – хотелось ощущать радостное волнение от предстоящей встречи с царицей вечных странников. В конце концов, мало кто удостоивается быть представленным лично! Нобели, конечно, то и дело снуют под носом божественной Териклес, но ведь то нобели, а жрецы и вовсе не бывают в верхней части Дворца – за исключением Говорящего и тех немногих счастливчиков, коих отрядили на поддержку стражей. Но на душе было тускло и серо, словно предстоящая встреча не значила ровным счетом ничего.

«Да ведь так оно и есть», – Хофру поправил капюшон нового одеяния, – «для тебя, хранитель таинств, все останется так, как было, а сама Царица забудет о тебе на следующий же день. Ведь ей ничего, кроме самих Врат не нужно...»

Жрец решительно двинулся к парадному входу, где стояла навтыжку четверка стражей.

Звяк! – алебарды угрожающе скрестились прямо перед носом Хофру, но жрец был готов к подобному повороту событий, спокойно откинул капюшон и пристально оглядел стражей. Один за другим мускулистые здоровяки опускали глаза, и это было приятно – ни один страж не в состоянии вынести взгляда хранителя таинств.

– Мне назначена аудиенция, – прошипел Хофру, – надеюсь, вы не будете меня вынуждать жаловаться Говорящему-с-Царицей?

– Твое имя Хофру Нечирет?

Он даже удивился – тому, что в крошечных мозгах стражей могла появиться хоть какая-то мысль.

– Да, это так.

Алебарды разошлись, и через несколько минут Хофру размашисто шагнул по светлому и просторному холлу с замершими по периметру стражами. Мозаичный пол радостно играл на солнце золотыми искрами, и Хофру сердито подумал – как неразумно использовать столь дорогую слюду для отделки пола. Слюду, которую серкт вынуждены добывать почти у края этого мира, у подножия горного хребта на западе...

В холле начиналась широкая лестница, ведущая на следующий этаж Дворца. Поднимаясь, Хофру нос к носу столкнулся с парочкой молодых нобелей в белоснежных мантиях; те окинули его презрительно-боязливыми взглядами, и поспешили дальше. Хофру спиной

ощущал их страх, и, положив руку на сердце, было чего опасаться этим юнцам: распространяемые вокруг жрецов слухи о страшных ритуалах, о приносимых жертвах и изготовлении новых тварей были слухами лишь отчасти.

Поднявшись по лестнице, Хофру вновь очутился в приветливом холле с высокими стрельчатыми окнами, где его и поджидал Говорящий.

– Брат Хофру.

– Да, Говорящий, – он чуть заметно поклонился, – надеюсь, я прибыл без опоздания?

– Ты точен, как всегда, – Говорящий растянул тонкие губы в подобии улыбки и жестом пригласил следовать за собой.

В полном молчании они добрались до огромных, в три роста серкт, двустворчатых дверей. Часовые наверняка хорошо знали Говорящего, потому как бросились отворять, непрерывно и подобострастно кланяясь.

– Пойдем же, брат Хофру, – кажется, в скрипучем голосе жреца прозвучала насмешка.

И Хофру шагнул в тронный зал, уже видя Царицу.

...Она сидела неподвижно, напряженно выпрямившись – золоченая статуэтка на деревянном троне, в тени бледно-лиловых драпировок, которыми были щедро украшены стены. Обнаженные руки, увитые золотыми спиралями, покоились на подлокотниках. Изящные ноги, обутые в открытые сандалии, опирались на парчовый пуфик. Простое белое платье было схвачено на плечах пряжками в форме скорпионов.

Хофру осторожно вскинул глаза на лицо правительницы серкт – память не обманула. Оно оказалось прекрасным и неподвижным, самых совершенных очертаний, какие только можно вообразить. Волосы – цвета меди – были уложены косами надо лбом, и эту естественную корону венчала черная диадема, выточенная из цельного куска обсидиана и формой напоминающая соединенные воедино скорпионы жала. Бесконечная чернота диадемы плескалась и в глазах Царицы, огромных и широко распахнутых, внешними уголками приподнятых к вискам и тщательно подведенных блестящей изумрудной краской. А губы – бледно-золотые – были решительно сомкнуты, отрицая даже саму мысль о проявлении какой-нибудь случайной слабости.

– Божественная, позволь представить тебе твоего верного слугу, хранителя тайнств Хофру.

Опомнившись, жрец быстро опустил на колени, но в душе медленно росло раздражение – мутное, неясное. Казалось бы, чего еще желать? Вот она Царица, а вот он, Хофру... Но жрецу все казалось, что и сама Царица должна быть *не такой*, и сама их первая встреча тоже могла бы произойти совсем иначе, не столь холодно, что ли? Он и сам не знал, и оттого злился все больше и больше.

– Поднимись, Хофру, – прозвучал звонкий девичий голос. Словно звякнул, разбившись, бокал.

И тут же последовал вопрос:

– Как выглядят Врата?

Хофру едва не рассмеялся. Все происходило именно так, как и следовало ожидать! Царицу не интересовала личность жреца, ей были нужны только Врата Ста миров.

– Божественная Териклес, – встрял Говорящий, – брат Хофру настолько поражен твоим величием, что не может сразу удовлетворить твое любопытство.

«Да что б ты провалился!» – в сердцах подумал Хофру, прочистил горло и сказал:

– К несчастью, мы так и не смогли к ним пробиться. Не так просто одолеть Пирамиду, и не так просто справиться с той силой, что ее хранит...

Лицо Териклес даже не дрогнуло.

– Я хочу, чтобы пирамиду стерли в порошок. Нам нужны эти Врата! Надеюсь, вы это понимаете. Ты, Говорящий, и ты... Хофру.

Говорящий поклонился.

– Божественная Териклес, мы получим Врата, чего бы это не стоило. К тому же, мать Селкирет явила мне видение, что ключ тоже находится под этими небесами...

– Но ключ – это ключ к самим Вратам, – капризно перебила Царица, при этом даже не шелохнувшись. – а ты, Говорящий, пока что не смог к ним даже пробиться. И ты, Хофру, тоже.

– Мы победим пирамиду, – поспешно заверил Говорящий.

Хофру молчал. Похоже, говорить с Царицей было не о чем – и незачем.

– Ну так извольте, – холодно сказала Териклес, и впервые за все время аудиенции ее рука шевельнулась, указывая на дверь.

«А чего можно ожидать от существа, сотворенного из куска золота и тысячи жертв?» – думал Хофру, торопливо шагая вслед за Говорящим.

– Врата должны быть нашими, – зло обронил жрец, – это будет твоей, Хофру, миссией.

– Я бы не торопился с выбором, Говорящий. Неужели во всем Храме нет жреца более могущественного, чем я?

– Ты жрец первой ступени. Селкирет благоволит к тебе.

«И чем это я перед тобой провинился?» – раздраженно подумал Хофру. И явно неудавшаяся аудиенция, и золоченая статуэтка на троне, и пожелания Говорящего – все слилось в один ком злости, которую, к сожалению, было некуда выплеснуть.

– Думай, Хофру, думай, – они свернули в коридор, который наверное был единственным коридором со сплошными стенами во всем дворце, – твое дело – добраться до Врат. А я займусь поисками ключа.

– Быть может, Селкирет явила тебе место, где он спрятан? – вяло поинтересовался Хофру.

– К сожалению, нет. Но я точно знаю, что ключ здесь... И точно также я уверен, что существует ключ от самой пирамиды, нужно только...

Говорящий-с-Царицей так и не завершил начатый монолог, потому что из-за поворота выскочил нобель. Хофру только и успел заметить, что его лицо скрыто под белым шарфом; а нобель, в два прыжка очутившись рядом с Говорящим, замахнулся на старого жреца узким и весьма удобным стилетом.

– Умри!

* * *

...Тело, закаленное в тренировках, оказалось быстрее мыслей.

Пальцы сомкнулись на светлом запястье нобеля, рванули его на себя. Захрустели кости, но убийца даже не пикнул: резко крутнувшись, он ухитрился выпустить из-под рукава свободной руки еще стилет, походя ткнул сталью в живот Хофру... Клинок царапнул черную броню, нобель взвыл – но уже валяясь на полу, обезоруженный и беззащитный.

И только потом Хофру удивился. Это было нечто новенькое – кидаться на Говорящего с ножом.

– Лежи, предатель! – прикрикнул он на извивающегося серкт.

Глянул на спасенного Говорящего – тот хранил привычное спокойствие деревьев, словно и не его собирались прирезать.

– Ты отменный боец, брат Хофру.

– Я никогда не видел, чтобы на жрецов нападали, – усмешка далась ох как нелегко, – что случилось, Говорящий? Куда катится наш мир?

– Чтоб ты сдох, тварь! Верни мне мою дочь!.. Чтоб твои внутренности пожрала Селкирет! Чтоб в твоих глазах ползали черви!

Говорящий нахмурился, а затем быстро наклонился и умелым движением свернул нобелю шею.

«Все интереснее и интереснее», – подумал Хофру, но вслух ничего не сказал.

У Говорящего-с-Царицей, похоже, были кое-какие тайны – лезть в которые до поры до времени не следовало.

– Тело уберут стражи, – проскрежетал жрец, поправляя капюшон, – а ты помалкивай о случившемся, брат Хофру. Известно ведь, что молчание – золото.

– Разумеется, Говорящий, – послушно сказал Хофру, – но позволь мне первому заглянуть за поворот. Вдруг там притаились еще враги?

– Ты прав, брат Хофру. Говорящий-с-Царицей один, а хранителей таинств много.

На мгновение прикрыв глаза, жрец погрузился в медитацию, как будто с головой нырнул в горячую воду. Там, вне телесного мира, было темно и спокойно – и где-то совсем рядом шевельнулось черное тело богини Селкирет. Хофру потянулся к ней – «Силы, прошу у тебя Силы» – и, возвращаясь в собственное тело, уже знал, кто поджидает за поворотом, в двадцати шагах.

...Их оказалось трое. Нобелиат, неоперившиеся юнцы в белоснежных одеяниях, вооруженные короткими мечами. Наверное, они были друзьями тому, первому, а скорее всего – приходились родственниками. Ибо только связанные кровными узами могли выступить против Говорящего... И на что, спрашивается, рассчитывали? На то, что подстерегут одинокого жреца в пустынном коридоре, нападут и запросто выпустят ему внутренности?

А ведь Говорящий с Царицей и сам по себе был крепким орешком для убийц. Будь он слаб – разве стал бы первым среди равных? И то, что Хофру вмешался... Хм. Это было скорее данью уважения, которую младший в иерархии неизменно платит старшему.

Хофру выскользнул из-за угла, принимая на себя первый рубящий удар. Сталь заскрежетала по глянцевому панцирю, а через мгновение тело нобеля дернулось и мешком начало заваливаться на пол. Хофру потянул на себя клешню, на стену плеснуло темной кровью из разрубленной артерии... Но оставшиеся два нобеля догадались (наконец-то!), что напали не на того. Побросав оружие, они рванули прочь, да так, что Хофру едва успел схватить одного из них за край одеяния. Рывок – и мальчишка, подвывая от ужаса, оказался под ногами.

Выбор есть всегда – и Хофру почти видел самого себя, стоящим на перепутье. Но времени размышлять уже не осталось: он быстро оглянулся и, убедившись, что Говорящий по-прежнему стоит за углом, сгреб дергающегося нобеля в охапку.

– Говори, быстро. Почему вы хотели убить Говорящего?

Мокрое от пота лицо мальчишки оказалось так близко, что Хофру ощутил на щеке его горячее дыхание. Конечно же, юнец ничего не сказал – да и не мог, хрипя от ужаса. Но страх сделал свое дело, и мысли нобеля плеснулись в сознание Хофру.

Жертва. Юная, прекрасная серкт, принесенная Говорящим в жертву...

– Беги, дурак!

Он разжал руки, неловко упал на одно колено. Как раз в то самое, нужное мгновение, когда из-за угла появился Говорящий – к слову, после невольных откровений нобеля ставший фигурой еще более любопытной, чем раньше.

– Брат Хофру, – укоризненно прошелестел жрец, – ты упустил двоих?

– Я не столь близок Селкирет, как того бы хотелось, – отряхивая руки, Хофру быстро поднялся на ноги, – я уверен, что эти двое более не побеспокоят тебя.

– Что ж, очень жаль... Жаль, что придется заняться этим самому.

Вздохнув, Говорящий засеменил дальше по коридору. Хофру послушно шел следом и старался – из последних сил старался! – не думать о том, что узнал от перепуганного насмерть нобеля.

* * *

История получалась интересной до неприятного.

Нобели хотели смерти Говорящего-с-Царицей вовсе не потому, что им пришлось не по вкусу скрежещущий голос жреца. Оказывается, пока он, Хофру, мерз на севере и едва не стал обедом для пирамиды, Говорящий отправил на жертвенный алтарь дочь одного из именитых аристократов – того самого, что напал первым. Это было неправильно, и Говорящий не должен был так поступать! Богиня Селкирет не принимала в качестве жертв собственных детей. Неудобных серкт просто... убивали, тихо и незаметно – но в жертву не приносили никогда. Только скорпионов, отражение Селкирет в мире тварей бездушных. Но в этот раз никто не посмел перечить самому Говорящему, ну а сломленный горем отец... Попросту решил отомстить.

... Распластавшись на жесткой лежанке, Хофру давал отдых телу, в то время как мысли размеренно, словно мельничные жернова, крутились.

Говорящий-с-Царицей мог попросту выжить из ума. Но мог действовать по плану, который заключался... Хм...

Ненужная жертва. Была ли она связана с Ключом? Или с Вратами? К сожалению, наверняка мог сказать только сам Говорящий. А если все его выходки – не более, чем результат помешательства? Тогда... Тогда все-таки придется вести речь о замещении Говорящего кем-то другим.

А отчего бы самому не стать Говорящим-с-Царицей?

Хофру усмехнулся. Мысль была недурственной, совершенно бредовой и заманчивой одновременно.

Он повернулся набок, подтянул к груди ноги – как назло, в храме было всегда прохладно, хотя снаружи царил зной. Согреться не удалось, жрец поднялся и принялся ходить по келье.

В самом деле, отчего бы не доказать сумасшествие нынешнего Говорящего и самому не занять его место?

«Нет, так нельзя», – он остановился у окна, – «Место первого Говорящего всегда занимает Второй... Да и не нужно мне место рядом с тронем».

Внутренний двор храма был залит густыми вечерними сумерками. В них тонули низенькие постройки, желтые при свете дня, а сейчас серые, точно крысиная шкурка. Из окна веяло сухим теплом пустыни – столь любимым Хофру. Жрец огляделся и, убедившись, что двор совершенно пуст, выбрался из холодной кельи в душное тепло подступающей ночи – благо, до земли было совсем недалеко.

Правда, через минуту он понял, что ошибся: кто-то из братии тащился в тени храмовой стены, с большим мешком на плече. Хофру, с наслаждением вдыхая не остывший после дня воздух, поглядел вслед жрецу – и вдруг узнал в долговязом черном силуэте Говорящего с Царицей.

Который в полном одиночестве куда-то шел с мешком.

Хофру скользнул в тень, справедливо полагая, что сама Селкирет благоволит к своему хранителю тайнств.

Он двинулся следом, осторожно, вымеряя каждый шаг и боясь лишний раз вздохнуть. Колышущиеся впереди черные одежды жреца были хорошо различимы, и Хофру померещилось, что он видит бурые пятна, выступившие на мешке.

Говорящий торопился. Дышал тяжело, с присвистом, и горбился под тяжестью ноши. Он дошел до кладовой, обогнул ее, и застыл, тревожно озираясь – Хофру вовремя нырнул за угол. Проскрипев проклятье, Говорящий поплелся дальше, к стене, на минуту пропал из

виду... Хофру услышал сухой скрежет, как будто терли камнем о камень. Высунувшись из своего укрытия, жрец увидел темный провал тайного хода в храмовой стене.

«И куда же пошел Говорящий?»

Вознеся короткую молитву Селкирет, Хофру скользнул в черный проем. Два широких шага – и он очутился на площади. Сухопарая фигура Говорящего по-прежнему была хорошо видна в подступающей ночи, и он – теперь в этом уже не оставалось сомнений – уверенно продвигался к башне Могущества.

Внезапно у Хофру пересохло во рту. Башня Могущества! Что мог забыть там Говорящий-с-Царицей, что?!!

Дело в том, что башня Могущества была запретным местом для серкт, невзирая на то, что вход в нее никогда не запирался. Но любой, даже самый завалящий раб, знал: башня – не для живых. Она выросла из тверди поработанного мира, замешанная на воле Царицы и крови многих и многих жертв. В башне была Сила народа серкт, вся, какую только смогла собрать Царица.

И вот теперь Говорящий запросто шел туда, с неведомой целью – и совершенно непредсказуемым содержимым мешка! Что тут подумаешь?

... Тем временем Говорящий неслышно, как мышь, подобрался к распахнутым створкам входа в башню. Остановился, озираясь, а затем шмыгнул внутрь, в кромешный мрак. Хофру помешкал – теперь уже он действительно не знал, как поступить правильно, и стоит ли лезть в чужие тайны?

Он решил подождать, не отходя от тайного хода сквозь стену.

Говорящий появился на удивление скоро и уже налегке. Он отряхнул ладони, словно к ним налипла грязь – «Или кровь?» – а затем, уже неспешно, размеренным шагом двинулся к Хофру. Тот скользнул обратно и затаился за углом кладовой, прижимаясь спиной к теплому ноздреватому ракушечнику.

...Провожая взглядом Говорящего, Хофру все пытался увязать воедино все странные поступки жреца столь высокой ступени. Пытался – и не мог.

Позже, когда сутулая фигура Говорящего исчезла в одной из дверей Храма, жрец вышел из укрытия и скорым шагом направился в свою келью.

* * *

... Утреннюю службу Хофру выстоял с трудом.

Пребывая не в том расположении духа, чтобы приблизиться к Селкирет – и слишком хорошо помня давешнюю аудиенцию, чтобы возносить молитвы для Царицы, он тоскливо разглядывал темные своды храма. Мысли своенравно разбредались в разные стороны, и перед глазами то мелькала побелевшая смазливая мордашка нобеля (которому сильно повезло вчера), то застывшее, словно вырезанное из дерева лицо Говорящего, то золотистая фигурка Царицы на троне.

Конечно, с мальчишкой он опростоволосился. Нужно было его убить, и нужно было догнать тех нобелей, что дали деру; но любопытство одержало верх, где-то в глубине души хотелось поглядеть, а что же будет дальше?

Говорящий, неправильная жертва, башня Могущества.

Золото и белый шелк, глаза, подведенные изумрудной краской...

Все это раздражало – была привычной концентрация любых движений воли, а не хаотичная мешанина красочных пятен. И оттого настроение портилось с каждой минутой.

Дождавшись, наконец, напутственного слова Второго Говорящего, жрец заторопился прочь. В конце концов, его могли в любой день отправить к Пирамиде, а дел было хоть отбавляй...

Хофру переступил через порог, окунаясь в горячее тепло дневного светила, и неторопливо зашагал в сторону Дворца. В замшевом футляре лежало указание Второго Говорящего – «о высоком дозволении брату Хофру из семьи Нечирет пользоваться дворцовой библиотекой».

В храме тоже было немало книг – но по большей части это были книги, посвященные исследованию сущности Селкирет, трансформе, медитации и прочим полезным навыкам жрецов. В библиотеке Дворца оказались собраны книги, найденные в новом для серкт мире – ими-то и собирался заняться Хофру, добросовестно храня в памяти письма из ледяной пирамиды.

...Он беспрепятственно миновал часовых, оставил позади холл с раздражающе-блестящим слюдяным полом и вышел во внутренний двор, где зеленой ступенчатой пирамидой возвышался многоярусный сад.

Это была одна из любимых игрушек Царицы, ее детище – детище существа, которому было отказано в возможности иметь живого ребенка. И Царица с воодушевлением совершенствовала сад, как будто трудясь над растущим серкт; насаждались новые деревья и экзотические цветы, привозимые со всех концов Эртинойса, подрезались крылья диковинным и редким птицам. Божественная Териклес как-то пожелала иметь в своем саду существо разумное и – кто откажет владычице? Жрецы быстренько разыскали младенца из крылатого народа, отрезали ему крылья и поселили в соломенном домике у подножия самого высокого дерева. Игрушка быстро выросла, повзрослела, выучила язык серкт и стала бывать во Дворце. А сколько было шума, когда элеана сбежала!

Он поежился. Хорошо бы никому и никогда не узнать, *как именно* удрала забава самой Териклес.

О том, что было до побега царской зверушки, Хофру предпочитал не вспоминать, и почти преуспел в этом. Он спрятался за холодными стенами собственной ледяной башни. Ключик, способный разбить тщательно укрепленные бастионы жреческой души, был спрятан в старой книге, которую, в свою очередь, хранитель таинств водрузил на самую высокую полку и поклялся не трогать без крайней на то необходимости.

* * *

... Хофру все же остановился, вдохнул полной грудью. В лицо слабо веяло зеленью и свежестью. Он отбросил за спину капюшон, подставляя гладко выбритые щеки дыханию оазиса... И, ощутив на себе чей-то пристальный взгляд, быстро натянул его обратно.

Навстречу, по дорожке, торопливо шел нобель. Он запыхался от быстрой ходьбы, широкие рукава раздувались белыми парусами, и надоедливо позвякивали золотые браслеты на тонких и изнеженных запястьях. Но не это было главным – а главным было то, что к Хофру спешил тот самый мальчишка, которому удалось уйти от жреца в темном дворцовом коридоре.

Их разделяли считанные шаги – Хофру даже не шевельнулся. Ждал.

А мальчишка, торопливо приложив руку к сердцу и краснея, пролепетал:

– Я тебя узнал, когда ты убрал капюшон.

– Многие меня знают, – невозмутимо ответил Хофру, – я милостью Селкирет хранитель таинств, и вот уже сколько лет живу в храме.

Нобель замотал головой так, что, казалось, тонкая шея вот-вот переломится. Он совершенно позабыл о том, что нужно беречь прическу, завитые и уложенные валиком на затылке волосы.

– Нет! Я тебя *узнал*, жрец. Там, в коридоре...

И осекся, испуганно глядя на Хофру. Даже браслеты перестали звякать – только красиво очерченные губы юноши подрагивали.

– Почему ты молчишь? – нобель снова не выдержал, – ты же отпустил меня? Почему, а? Ну, скажи, почему ты дал мне уйти? Я же знаю вас, *хранителей таинств*! Тот, кто попался к вам у руки, уже может считать себя мертвецом...

– Но ведь ты выглядишь вполне живым, – Хофру мягко отодвинул в сторону мальчишку, – позволь мне пройти.

Нобель скривился так, словно обнаружил на подушке жабу.

– Великая Селкирет! Теперь ты делаешь вид, что ничего не было... Но разве не ты спрашивал меня? Разве нет?

Хофру быстро огляделся: похоже, за ними никто не подглядывал. Затем, вцепившись в тонкий локоть юноши, он силой отвел его на нижний ярус сада и усадил на мраморную скамью под апельсиновым деревом. В узких глазах мальчишки бился страх, но, как и полагается истинному нобелю, он все еще пытался напустить на себя равнодушный вид.

– Я советую тебе поскорее забыть о тех событиях во Дворце, – медленно проговорил Хофру, – это последний раз, когда я с тобой разговариваю. Ты хорошо понял?

Юноша развел руками.

– Но, хранитель таинств... Когда ты меня *спросил*, а затем позволил уйти... Я думал, что тебе интересно знать всю правду. Но я не успел рассказать...

– Ты и без того достаточно мне поведал, – отрубил Хофру, – а теперь иди. И забудь о моем существовании. Странно, что ты вообще меня узнал.

– Я слишком близко видел лицо смерти, – криво усмехнулся мальчишка, – послушай, хранитель таинств! Я-то думал, что ты ищешь истину...

Хофру сложил руки на груди, качнул головой.

– Если ты знаешь так много, то скажи сейчас – чего я мог не увидеть тогда?

– Амхей за день до смерти была у подруги, – едва слышно произнес нобель, – она была удручена и сказала, что беседовала с Говорящим в его покоях... А уходя, случайно разбила какое-то зеркало.

Хофру остолбенел. Зеркало! Ну почему высокородная дура не расквасила себе нос, или не разбила какую-нибудь вазу из тех, что заказывает себе Царица по тысяче полновесных монет за каждую?

Разбить зеркало означало навлечь несчастье на весь свой род, и оттого серкт пользовались зеркалами из бронзы и серебра. Совсем другой вопрос – откуда у Говорящего с Царицей появилось бьющееся, недозволенное зеркало? Неужели... *То самое, ритуальное?*

– Это все, – прошептал юноша, глядя на Хофру снизу вверх, – надеюсь, это тебе поможет?

– Все в воле Селкирет, – выдохнул жрец, – уходи отсюда, благородный серкт, и больше никогда – Слышишь? – никогда не заговаривай со мной. Ты поведал мне достаточно.

– Да, да!

Юноша бодро зашагал прочь, и Хофру долго провожал его взглядом, ровно до тех пор, пока трепещущие на ветру белые одежды не скрылись за углом зеленой пирамиды сада.

Разбитое ритуальное зеркало многое меняло, переворачивая всю историю с жертвой с ног на голову. И, чем меньше серкт узнает об этом, тем лучше.

«Успеет – или не успеет?..»

Хофру, досчитав про себя до десяти, выбрался из тени ажурных крон и степенным шагом побрел в том же направлении, что и нобель.

«Успел?» – Хофру усмехнулся.

Живучи нобели, как ни крути... Говорит о себе близость к Царице – а простой серкт умер бы от разрыва сердца, не пройдя и десяти шагов. Ведь жрец Хофру превосходно знал, куда и как следует нажать, чтобы тайна умерла вместе с ее хозяином.

– Помогите! Кто-нибудь, сюда! Лекаря! – звонкий женский голос безумной птицей забился о высокие стены дворца, – Скорее же, лекаря!

Хофру пожал плечами и заторопился в библиотеку.

Теперь... он был недоволен собой, потому что – конечно же! – чтобы окончательно похоронить тайну, следовало избавиться не только от этого мальчишки, но и от оставшихся в живых сообщников. Но, как говорится, Селкирет дает хорошие мысли после того, как сделано дело.

«А я – я не совершенен, как и все смертные».

Он провел в библиотеке весь день, но это был пустой день. Хофру искал чужие книги, где начертания символов совпадали бы с виденными в пирамиде – и не находил. Пытался думать о Вратах – а получалось о Говорящем-с-Царицей, его походе в башню Могушества и о том, что рассказал юный нобель. В конце концов, добросовестно высидев среди книжных баррикад до заката, Хофру заторопился в келью – исключительно, чтобы не пропустить маневры Говорящего... Если, разумеется, им суждено было продолжиться.

* * *

... Предчувствие не обмануло.

Хофру во второй раз проводил взглядом Говорящего, мелкой трусцой подобравшегося к тайному лазу. Вылезти из низкого окна было делом нескольких мгновений; и вот уже скользит он в сумерках за долговязой фигурой жреца, и ухаает в висках кровь – от страшной неизвестности, от тайны, от щекочущего ощущения опасности...

На этот раз пришлось ждать долго.

«И что это он там делает?» – Хофру в нетерпении переминался с ноги на ногу, поглядывая на черный провал входа. – «Самому, что ль, сходить?»

Мысль эта оказалась столь заманчивой, что на миг Хофру даже представил себе, как спускается в подземные ярусы башни Могушества – а там, там...

«Может быть, там заточено чудовище?» – он щурился в густые сумерки, высматривая Говорящего, – «Или... Нет. Может быть, там действительно чудовище, но его терпеливо взращивает Говорящий?»

Хофру замотал головой. Гадать не имело смысла, а пытаться спросить Говорящего – и подавно. В самом деле, оставалось только одно: пойти и увидеть все самому. В конце концов, раз Говорящий смог войти в башню – то отчего не сможет и Хофру Нечирет?

...Он едва не проглядел Говорящего. Тот, ссутулившись, пауком просеменил мимо. Не видя ничего вокруг и бормоча под нос проклятия. Еще несколько минут – и черное жреческое одеяние растворилось в темноте южной ночи, а Хофру остался один.

«Ну, что ж...» – он вытер внезапно вспотевшие ладони.

На всякий случай внимательно огляделся – но на площади было пустынно. Серкт с заходом солнца не покидали домов, таков был порядок – и каждый следовал ему неукоснительно.

Хофру задрал голову: верхушка башни Могушества утонула во мраке. Чуть дальше ярко светили звезды, но вокруг башни крутились тучи, и небо казалось побитым ржавчиной.

«Была не была», – жрец двинулся ко входу в башню, – «Неправильная жертва, разбитое зеркало. Не слишком ли много для одного Говорящего?»

В последний миг Хофру замешкался: ему привиделось, что тьма словно сгустилась под аркой, и что там, в этой чернильной темноте, что-то шевелится...

А спустя мгновение морок пропал: перед жрецом был самый обычный вход в самую обычную башню, где, оказывается, даже горели факелы в бронзовых подставках.

Сердце упало.

Так вот зачем Говорящий ходил в башню Могущества!

Старик попросту зажигал здесь факелы...

Нет, стоп.

Хофру замер на пороге: факелы-то были фальшивые. Вернее, света они давали предостаточно, но огня не было и в помине. Ярко сияли багровые кристаллы, вставленные в расщепленные палки.

«Чего, дурак, застыл? Тебя же увидеть могут!» – шепнул глас здравого рассудка.

И Хофру быстро двинулся вперед.

Он миновал короткий холл, как раз на всю толщину стен, и оказался в круглой зале, которая являлась первым ярусом башни.

Помещение напоминало бублик: в центре угнездилась пустота, пронизавшая всю башню от фундамента до крыши. Широкая винтовая лестница соединяла уровни, по витку на каждый ярус, и низкие перила венчали все те же пылающие кристаллы.

«Любопытно», – Хофру коснулся пальцем одного из них.

Камни были холодны наощупь – но при этом светили ярко, и багровый огонь в их прозрачной глубине мерцал и подрагивал – «в такт моему дыханию».

Жрец шагнул на ступень, осторожно высунул голову в колодец: dna в нем, похоже, и вовсе не было, а витки бесконечной спирали сливались вдали кровавым маревом. Наверху зрелище было абсолютно таким же.

– Вот вам и башня Могущества, – проворчал жрец.

Оставалось решить, куда идти: подниматься вверх или наоборот – спускаться вниз.

Но за Хофру решение приняла судьба: он вдруг услышал болезненный, мучительный стон. Так, словно кто-то умирал в башне Могущества.

– Вот вам и Говорящий-с-Царицей, – хмыкнул жрец и пошел на звук.

Вниз.

Ярусом ниже.

Стон повторился, за ним – звук раздираемой плоти, как будто дикий зверь пожирал пойманную и еще теплую добычу.

Хофру передернуло, и он ускорил шаг. Ему... просто необходимо было увидеть, кого держит в башне Говорящий. Понять, наконец, зачем он это делает...

Сбегая с последней ступени, Хофру уже видел ее: золотистое обнаженное тело в кровавых потеках, бессильно откинутую голову... Широко распахнутые черные глаза, слепо глядящие в пространство...

– Всевеликая Селкирет!

Это была совсем юная девушка, едва сформировавшаяся – но, стараниями Говорящего, умирающая. Будь проклят этот старик, позволивший себе такое! Она лежала на боку, подтянув к груди колени, и длинные спутанные волосы стелились по грязному, залитому чем-то липким полу.

Хофру метнулся к ней – но вдруг остолбенел.

Юное создание почувствовало присутствие другого серкт, утробно заурчало – а затем, резко выбросив вперед руку, подтянуло ко рту кусок сырого мяса и с хрустом вцепилось в него зубами. Мокрые, слипшиеся сосульками волосы упали на лицо, закрывая его от взгляда Хофру.

Но в тот, последний миг, когда чудовище приподняло голову, жрец узнал ее.

...К горлу мгновенно подкатила тошнота.

Бежать отсюда. Как можно скорее. Уходить – и забыть, и никогда не вспоминать...

А ноги своенравно приросли к полу, и все, что он мог – только смотреть.

На полу башни Могущества, среди гниющих кусков мяса, лежала Царица. Божественная Териклес, золоченая фигурка на троне народа серкт.

* * *

...Присутствие Говорящего Хофру ощутил сразу.

И откуда только силы взялись – разворачиваясь, он уже был готов к трансформе. Кожа превращалась в черную броню, суставы, кости, все менялось...

Только вот желтое лицо Говорящего даже не шевельнулось в полумраке.

– Подожди, брат Хофру, – тихо сказал он, – если бы ты был слабее, то я убил бы тебя, не рискуя. А так...

– Что – так? – слова эти отразились от стен башни карканьем ворона.

– А так мне придется посвятить тебя в некоторые... Гм... свои дела.

Говорящий медленно обогнул Хофру, приблизился к Царице – она не обратила на него внимания, продолжая глотать свиное колено. Жрец долго смотрел на нее, склоняя голову то к одному плечу, то к другому – затем обернулся к Хофру.

– Идем. Настало время...

– А как же *она*? – Хофру указал на урчащую Териклес.

Говорящий махнул сухой рукой, так похожей на деревяшку.

– Это не Царица серкт, Хофру.

– Ты лжешь мне, Говорящий, – он покачал головой, – неужели ты думаешь, что я не узнаю правительницу?

– Узнаешь, узнаешь, кто бы сомневался, – зло процедил жрец, – прошу, оставь ее. Мне *придется* кое-что тебе рассказать... Раз уж ты, хе-хе, всюду суешь свой нос.

Глава 3. Кар-Холом, последний приют.

... Темнота, казалось, будет длиться вечно.

Дар-Теен не чувствовал ровным счетом ничего из тех обыденных ощущений, по которым мы обычно определяем, что прошел тот или иной промежуток времени. Ни голода, ни жажды. Лишь глухое, сосущее под ложечкой беспокойство – а что же будет, когда *это* закончится. И закончится ли?

«Хорошо бы», – сонно подумал он, – «всему рано или поздно наступает конец...»

Он висел в пустоте. Ничего не менялось. Время... остановилось.

«А как же Эристо-Вет? Я не могу... нет, я не могу ее бросить сейчас!»

Длинные волосы глубокого синего цвета, весенняя зелень в огромных, на пол-лица глазах... И скорбно сжатые губы, совсем как в ту, страшную ночь, когда они расстались.

Тогда Дар-Теену казалось, что навсегда. Но неисповедимы пути богов. Они, две одиноких души, встретились вновь – похоже, исключительно для того, чтобы вновь разлететься в разные стороны, как два сухих листа, влекомых буйными осенними ветрами. Эристо-Вет настойчиво гнала его прочь, но при этом в ее глазах полыхала такая печаль, что было ясно: ийлура попросту хочет сохранить ему жизнь.

«Нет, я так не могу», – повторил про себя ийлура, – «я не брошу тебя... не оставлю!»

Лечь спать в собственную постель и проснуться в самом сердце флюктуации? Не этого ли опасалась зеленоглазая Эристо? Да и кто из сильных мира сего мог оказаться способным на перемещение такого порядка?

Дар-Теен пытался думать, но мысли путались.

Он, пропади все пропадом, устал. Смертельно устал... Веки потяжелели, дремота накатилась тошнотворной волной – отвратительное состояние, когда хочется спать, но знаешь, что не следовало бы.

Дар-Теен зевнул, поболтал руками-ногами – нет, по-прежнему он висел в пустоте без начала и конца...

А затем вдруг ощутил слабое дуновение на лице.

«Ветер? Но откуда ему здесь быть?»

Ийлура покрутил головой и увидел вдали маленькое пятнышко света – «стало быть, конец близок?»

И в этот миг проклятая дрема накатилась снова – как будто он, Дар-Теен, не спал седмицу. Сон вцепился в сознание, наверстывал упущенное, и ийлура понял, что уже помимо воли сползает в пропасть. Кто-то *другой*, очень могущественный, пожелал видеть его спящим.

* * *

... Выныривая из ледяной тьмы в промозглую осеннюю сырость, Дар-Теен все же надеялся – на то, что он где-нибудь в Альмаране, пусть даже в тяжком похмелье, а гнилые бревна, зеленая ряска и чудовищных размеров паук были порождением ночного кошмара. В конце концов, на то, что Эристо-Вет не вляпалась в очередную неприятную историю...

Потом пришла чудовищная, пожирающая рассудок боль. Она угнездилась под коленом, на внешней стороне голени – «Словно кусок мяса кто отхватил». Перед глазами заплясали серые мошки, верный признак возвращающегося беспамятства.

«Нога... Что там еще стряслось?!»

Дар-Теен крепко зажмурился, попробовал дышать глубже. Небытие снова отступило, затаившись; боль под коленом пульсировала вместе с ударами сердца.

«Та-ак, спокойно, спокойно...»

Он приоткрыл глаза, потянул пропитанный запахом болот воздух. Надежда на пребывание в Альмаране растаяла окончательно: над головой чуть заметно колыхались жиденькие еловые ветки, а еще выше хмурилось дождливое осеннее небо.

«Вот это меня занесло», – Дар-Теен моргнул, мелкие и редкие капли дождика сыпались на лицо, – «Покровители, да что же случилось?!»

Он ведь очень хорошо помнил, как возвращался в келью из Библиотеки Ордена Хранителей, ломая голову над тем, как поступить – то ли самому отправиться искать Эристо-Вет, то ли плюнуть на все и уехать на Северный Берег. А потом... потом...

Ийлур поморщился от внезапно вспыхнувшей головной боли – и это вдобавок к пострадавшей ноге!

Потом как будто ножницами аккуратно вырезали дырку в памяти. И – кошмар наяву, черное сердце флюктуации приграничья. Разрыв в ткани мертвого Эртинойса, в которое, словно в зеркало, смотрится Эритнойс живой.

Полет в пустоту. Свет, далекий, но прекрасный, как вечерняя звезда.

А затем – странное болото, мохнатый паучище невероятных размеров, который с легкостью подмял под себя бывшего воина. Жаркий укол под коленом – и опять пустота.

...Печальный шепот дождя мешался с тихим потрескиванием горящих веток. Дар-Теен, стараясь не делать резких движений, осторожно повернул голову в поисках костра: так и есть! У огня, на подгнившем бревне, сидел кэльчу и увлеченно листал какую-то книгу. Тут же, неподалеку, лежал еще один кэльчу – но оттого, что последний ни разу не шевельнулся, у Дар-Теена возникло нехорошее предчувствие беды.

«Всевеликие Покровители, да куда же я попал? А главное, как?!»

Пожалуй, единственно правильным решением было бы обратиться подальше и от любителя книг, и от неподвижного тела, но...

«А что, так даже лучше. Понятней. Если связали – значит, в плену. Значит, рядом с тобой враг...»

И он снова принялся рассматривать кэльчу. В общем, самый что ни на есть обыкновенный кэльчу, оставивший позади беззаботную юность, но еще не доживший до благородных седин. Костяные чешуйки на голове врага были цвета графита, кожа – светлая, как будто этот кэльчу не слишком много времени проводил на солнце. Его широкие брови то угрюмо сходились на переносице, то приподнимались, как будто в удивлении, губы то оставались сжатыми ниткой, то кривились в болезненной гримасе... А грязные пальцы любовно перебирали страницы книги. Пальцы, куда более привычные к оружию, чем к перу.

Кэльчу вдруг недовольно хмыкнул, быстро сунул книгу в пузатую сумку и повернулся к Дар-Теену. В темных, неопределенного цвета глазах мелькнула тревога, щека с застарелым рубцом нервно дернулась.

– Ты говорить можешь? Меня понимаешь?

«Общий», – Дар-Теен все еще пытался сообразить, каким образом его угораздило попасть в плен к кэльчу, да еще и в болотах. От Альмарана до ближайших болот было не меньше двух седмиц пути, да еще и на хороших щерах.

– Ты говорить можешь? – терпеливо повторил кэльчу.

Он обогнул костер и подошел ближе – так, что Дар-Теен рассмотрел и заплатки на рукавах потертой куртки, и вымазанные в чем-то зеленоватом штаны, и даже кое-как привязанную шнурком подошву башмака. Рукав, кстати, был порван, а вокруг дырки ядовито желтели высохшие капли неизвестной жидкости.

«А не безумец ли какой?» – мелькнула мысль.

Кэльчу словно невзначай положил пальцы на рукоятку топорика, висящего в ременной петле на поясе – и Дар-Теен решил, что не стоит злить этого жителя холмов.

– Могу.

– И кто ты такой?

Дар-Теен покорно представился, вспомнив старинный гвенимарский обычай и озвучив только первую часть имени.

– Дар, говоришь? – прищурился кэльчу, все еще перебирая пальцами топориче, – а как ты сюда попал?

Тут уж Дар-Теен во всем признался:

– Сам не знаю! А мы далеко от Альмарана?

Кэльчу скривился так, будто разжевал жменю горького перца.

– Ты, ийлур, думай что плетешь. Города такого и нет.

«Точно, сумасшедший», – Дар-Теен прищурился, раздумывая, как себя вести дальше.

– Развяжи меня. Зачем веревки?

– Ты долго был в беспамятстве, – последовал лаконичный ответ.

– У меня, похоже, с ногой что-то. Посмотреть бы, а?

– Мы уже смотрели, – усмехнулся безумец, – кусок мяса вырезали, противоядия дали.

Ты что, болотня уже не помнишь?

– Болотня?!!

– Ну, паук, который тебя чуть в трясику не уволок.

Дар-Теен невольно поежился. Паук... Болотень.

Кошмар оказался явью, раз уж об этом знал странный кэльчу.

Но откуда, провались все к Шейнире, в Эртинойсе взялась такая тварь?

– Ничего не понимаю, – вырвалось невольно у ийлура.

– Я тоже не понимаю, откуда ты такой взялся, – язвительно отозвался сумасшедший, – и это в то время, когда во всем Эртинойсе едва ли сыщешь одного-единственного ийлура. Похоже, ты один из последних? От жрецов сбежал?

«Он просто безумец», – Дар-Теен напряг руки, в надежде ослабить веревку и освободиться, – «главное, выбраться из болот, дойти до любого торгового тракта, и...»

– А еще мне интересно, каким образом ты обошел патрульные отряды серкт, – добавил кэльчу.

– Чьи отряды?.. – ийлур, уже не обращая внимания на реплики чокнутого кэльчу, растягивал веревки. Самое главное, прикидываться беспомощным и хотя бы дружелюбным, а там...

– Не мучься, сейчас развяжу, – серьезно изрек кэльчу, – Только не дергайся, у тебя в крови еще достаточно яда.

Он в самом деле наклонился и разрезал веревки.

– А теперь можешь посмотреть на свою ногу.

Дар-Теен, стараясь не упускать его надолго из виду, растирал запястья. Вроде бы сумасшедший не набрасывался с ножом, так что можно немного подождать и прийти в себя...

Потом ийлур оперся ладонями о скользкую траву, сел, жмурясь и пытаясь привести в равновесие завертевшийся вдруг лес. Он только глянул на то, что сотворили с вполне здоровой ногой – и к горлу резко подкатила тошнота. Штанина была разрезана до половины бедра, голень под коленом перемотана тряпкой, сквозь которую уже проступили бурые и странные желто-зеленые пятна.

– Покровители! – вырвалось у Дар-Теена, – да что же вы...

– Иначе остался бы и вовсе без ноги, – заверил кэльчу, который все это время молча следил за Дар-Тееном. И тут же добавил, – можешь не призывать Богов, они давно оставили Эртинойс.

– Да ты просто безумец, – ийлур мрачно осматривал повязку, – куда ты меня уволок от Альмарана?!!

– В таком случае мне снова придется тебя связать, – бесстрастно подытожил кэльчу, – потому что из нас двоих безумен ты. Нет больше Альмарана, а Башня Могущества построена на крови двух народов.

Это было сказано тихо и очень спокойно. Но у Дар-Теена вновь появилось недоброе предчувствие беды. Той, что уже случилась... Как раз в тот момент, когда кто-то выкромсал его кусок воспоминаний.

Во рту собралась горечь, Дар-Теен с трудом сглотнул. Да, под ребрами болезненно скребла паучьими лапками тревога, и страх – животный, неодолимый – обернулся скользким слизнем вокруг сердца.

«Успокойся, успокойся... Что-то здесь не вяжется...»

Дар-Теен набрал побольше воздуха в легкие, выдохнул. Кэльчу безмолвно наблюдал за ним, поигрывая охотничьим ножом. Снова бросилась в глаза убогая одежда, и башмак, отчаянно просящий каши, и белый рваный шрам, перепавший гладкую щеку и задевший грязную шею.

«Разве ты видел раньше хотя бы одного нищего кэльчу? Разве не им дан великий Дар видеть золото и находить драгоценности в тверди этого мира?!!»

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – каждое слово давалось тяжело, потому что услышать правду означало выслушать приговор и самому себе, и зеленоглазой ийлуре, – скажи, где я, что случилось. Что еще за башня Могущества?

Кэльчу вздохнул и с тоской посмотрел на Дар-Теена.

– Я-то думал, ты шел в Кар-Холом, чтобы сообщать о готовящемся нападении на серкт, – в хриплом, простуженном голосе сквозило явное разочарование, – а ты, оказывается, и сам не знаешь, что случилось. Ты себя-то хорошо помнишь?..

Ийлур чуть не взвыл. Нет, этот сероголовый кэльчу просто издевается!

– Что случилось с Эртинойсом? – повторил ийлур.

Покровители, даже трудно было поверить в то, что он задает этот вопрос помешанному!

– Не знаю, где ты жил все это время, – прозвучало в ответ, – но если ты не знаешь, что в Эртинойс пришли чужаки и извели ийлуров, а заодно и элеанов... Ну... тогда я просто не знаю, что с тобой делать.

* * *

Дар-Теен, до крови закусив губу, все же поднялся на ноги. Чтобы не упасть, он схватился за тощую, погибающую на болоте ольху, и только так смог выпрямиться.

Сверху хныкало небо, шелестели чахлые деревца – где кривые елочки, где тоненькие, в пальчик толщиной осинки. Пахло гнилью, тиной, болотом. Смертью и разложением... А что, если этот кэльчу вовсе не безумец? Что, если в самом деле произошло нечто такое, что раз и навсегда изменило лик Эртинойса, а он, Дар-Теен, все это время проспал?.. Боги, да не мог он проспать столько, не мог! – «А где же ты тогда был, а?»

– Ты сумасшедший, – отчаянно цепляясь за надежду, прохрипел ийлур.

– Во все нет, – заверил кэльчу, – это ты с головой не в ладах, ийлур. Разве что с неба свалился? Тыфу, да сядь ты, а то рана кровить начнет!

– Что вы со мной сделали? – уже во всю силу легких рывкнул ийлур, – кто вы такие?! Кто?.. Храм Дракона, да? Или... Храм Шейниры? Это Элхадж что-то задумал, да? Говори же!!!

Кэльчу непонимающе заморгал, а Дар-Теен вдруг осознал, что только зря теряет время. Что толку говорить с врагом? Врага надо либо убить, либо скрыться от него. Все просто – взять и убить... или скрыться... потом скрыться.

И, чувствуя, как почти рвутся от напряжения связки, Дар-Теен метнулся к костру. Туда, где исходил жаром приличных размеров сук, которого бы хватило с лихвой, чтобы прищипить низкорослого врага к земле.

Но проклятая, изрезанная безумцем нога подвела: голень взорвалась такой болью, что у Дар-Теена все поплыло перед глазами. Он, уже падая, выбросил вперед руку и дотянулся до пылающего огнем оружия, перекатился набок – все вокруг замелькало, и жиденькие елки, и низко нависшее небо, затянутое рыхлыми тучами. А потом кулак чокнутого кэльчу с силой обрушился на скулу, затем еще и еще...

– Ах ты гад! – прошипел в лицо безумец, – хотел меня убить, да?!!

Он клещом вцепился в ворот и, хрипя от натуги, встряхнул Дар-Теена и потащил куда-то от костра.

– Смотри! Нет, ты смотри!

Напротив оказалось спокойное лицо седоватого кэльчу, который уже давным давно шел по дорогам небесным – ну, или подземным, к своему Покровителю. У основания шеи чернела страшная рана, кто-то или что-то вырвало кусок мяса. Не оставалось и сомнений, отчего погиб этот сын Хинкатапи.

– Он умер, спасая тебя, – кэльчу вдавливал Дар-Теена в землю, его жесткие пальцы сошлись обручем на шее ийлора, – спасая тебя, червяк! Он был хорошим кэльчу, но погиб из-за какого-то чужака, из-за слизня, которому самое место в трясине!

Перед глазами Дар-Теена запрыгали искры. Обруч на шее неумолимо сжимался, пальцы кэльчу внезапно обрели твердость железа, а в темно-серых глазах – теперь в самом деле плясали огоньки безумия.

– От... пусти...

Приступ буйного помешательства схлынул.

Словно испугавшись самого себя, кэльчу резко выпрямился, недоуменно глядя на собственные ладони, попятился. Дар-Теен уже не смотрел на него – жадно глотая сырой воздух, тонул взглядом в сером небе, и все еще не мог поверить...

– Я... я не хотел, – прошептал кэльчу, – Миль погиб, значит, ты... должен остаться... да...

Упав на колени перед догорающим костром, он закрыл лицо руками и принялся медленно раскачиваться из стороны в сторону.

«Фэнтар Пресветлый! Да что же это такое?!!»

Дар-Теену уже казалось, что это именно он сошел с ума.

Он с трудом сел на земле, кое-как подтянул колени к груди и обхватил их руками. Стало холодно, зубы выстукивали дробь – а сверху все также сыпал мелкий и оттого особенно противный дождик.

Ийлур понимал, что нужно что-то предпринять. Не сидеть же в болотах до бесконечности? Нужно было... Понять, слишком многое, и понять быстро. Может быть, еще оставалось время, чтобы все исправить – «Но почему ты думаешь, что исправлять должен именно ты?». И потом, Эристо-Вет. С ней точно случилась беда, иначе не барахталось бы сердце в ледяной полынье ужаса и безысходности... И потому нужно было быть сильным – как раньше, чтобы вернуть любовь и саму жизнь...

– Эй, – позвал Дар-Теен, все еще клакая зубами, – ты-то сам... как здесь оказался? Как зовут?

Кэльчу опустил руки – по землистому лицу текли самые настоящие слезы. Губы посинели, изогнулись в болезненной гримасе.

– Ты что?.. – выдохнул ийлур, – что это с тобой?

– Сердце... кажется.

– Э, ты только помирать здесь не вздумай, – он кое-как снова поднялся и, придерживаясь за стволы елок, направился к кэльчу.

– Ты ж молодой еще, чтобы сердце...

Взгляд кэльчу делался мутным, и он начал медленно оседать на траву.

– Не... знаю... В сумке...

– Где? В какой сумке? Что?

Подвывая от ощущения гвоздя, вбитого под колено, Дар-Теен доковылял до ближайшего к кэльчу мешка, дернул завязки – там лежала измаранная в грязи книжка.

«Значит, его мешок», – ийлур удовлетворенно хмыкнул и вывернул содержимое прямо на землю.

– Сверток... возьми...

– Ты только не отправься к своему Покровителю, – огрызнулся Дар-Теен, роясь в чужих тряпках. Там была какая-то одежда, крючья, несколько заплесневелых сухарей, метательные ножи, пузатые и формой похожие на яблоки склянки с мутно-голубой водицей...

– Ага, есть! – пальцы наткнулись на аккуратный сверточек из щеровой кожи.

Дар-Теен на четвереньках подполз к кэльчу, сунул ему в лицо свою находку.

– Что, здесь?

Вместо ответа кэльчу разворошил сверток, непослушными пальцами выхватил оттуда сухой черенок, сунул в рот и закрыл глаза.

Дар-Теен собрал рассыпавшиеся веточки неизвестного растения и уселся рядом, стараясь не тревожить больную ногу.

– Ну, полегчало?

– Полегчало, – краски медленно возвращались на меловое лицо. Губы чуть порозовели, взгляд прояснился.

– Что это ты, а? – Дар-Теен даже не знал, что и говорить, – еще не старик, а сердце так пошаливает.

– Не старик, не старик, – согласился кэльчу. Он не торопился вставать, лежал на боку и внимательно рассматривал ийлур, – это все жрецы...

И, скупно улыбнувшись, представился:

– Меня зовут Шеверт. Или – Сказочник.

– Давай спокойно поговорим, а? – ийлур поежился. Ощущение железных пальцев на шее было еще слишком живым.

– Давай. Все равно долго ждать наших...

* * *

Шеверт и сам не знал много: с его слов, причиной всех несчастий была война между ийлурами и элеанами. С чего пошел сыр-бор – этого толком не понимал никто, ну разве что исключая тех, кто всю кашу и заварил.

Война начиналась неохотно, и как бы лениво: ийлуров даже попытались провести переговоры с крылатыми детьми Сумеречного бога, но кто-то помешал. В итоге началась резня – да такая, что старейшины кэльчу хмуро качали головами и бурчали, что, мол, Свет и Сумерки очень скоро изведут друг друга. Синхи молчали, равнодушно наблюдали и ни во что не вмешивались; дети Шейниры собрались в Диких землях, покинув и Гвенимар, и Алхаим, где им до этого жилось вольготно. Кэльчу предприняли было попытку вмешаться – но тут и к ним пришла беда – вернее, приплыла из жемчужной дали Радужного моря.

Огромные галеры прибывали и прибывали, и на берег высаживались странные существа, очень похожие внешне на ийлугов, но все как один с кожей цвета старого золота. Их тела даже блестели, словно припудренные золотой пылью, и это казалось почти невероятным – то, что живые существа выглядят именно так. Было и еще кое-что, отличающее пришлых от детей Фэнтара: острые, изогнутые клыки, похожие на волчьи. Не у всех, конечно, но всегда – у облаченных в легкие кованые доспехи воинов.

Рассудительные кэльчу отправили к чужакам делегацию и в тот же день ее лишились. Пришлые без особых раздумий убили послов, а сами неспешно, словно хозяева, двинулись вглубь материка. Тогда кэльчу повторно отправили делегацию, но уже к ийлурам и элеанам, с мольбой о помощи... И все впустую. Дети Света и Сумерек были слишком заняты друг другом, чтобы повернуться лицом к истинному врагу.

А дальше... Все пошло прахом.

Ходили слухи, что жрецы пришлых провели темный ритуал с многочисленными жертвами; на свет явилось золотое яйцо. Чужаки шли и шли, их армия почти беспрепятственно вгрызалась в податливую плоть Эртинойсы. Обосновавшись на границе Черных песков, Диких земель и Холмов кэльчу, они остановились и занялись возведением города – «складывая дома из глины, обожженной в печах». Те кэльчу, кто наблюдал за постройкой, были уверены, что венцом города чужаков станет огромный Дворец – и не ошиблись. Жрецы провели второй ритуал, никто толком не знал, что именно сотворили они в ту душную предгрозовую ночь, и наутро во Дворце появилась хозяйка, Царица, не рожденная женщиной. Чуть позже, дней пять спустя, маленькие кэльчу прознали, что ийлугов и элеанов косит странная болезнь, от которой никто не исцелялся – и еще позже они связали мор с возведением странной башни аспидно-черного цвета. Впрочем, башню никто толком не строил – она росла сама, как дерево, выдираясь из тверди Эртинойсы.

Так завершилась война Света и Сумерек – не победой одной из сторон, и не перемирием, а общей гибелью. Чужаки стали хозяевами Эртинойсы и занялись исследованием новых земель. Кажется, они что-то искали – но что? – этого тоже никто не знал.

– А что стало с синхами? – глухо спросил Дар-Теен, – их не тронули?

– Как же, не тронули, – Сказочник болезненно содрогнулся, словно все, о чем поведал, продолжало стоять перед глазами, – прошлись огнем и мечом по Диким землям. Храм Шейниры разрушен, я сам видел... Ну, позже, когда там побывал.

– Но синхи ведь могли дать отпор чужакам, – ийлури задумчиво смотрел в огонь, – покрывало Шейниры, разве этого недостаточно?

– Я не знаю, что у них там на самом деле случилось... Но, судя по всему, Шейнира оставила своих детей. Так же, как и прочие Покровители... Видишь ли, Дар-Теен, боги ушли, Эртинойс изменился... Наверное, скоро и кэльчу придет конец – сам не знаю, отчего нас еще не извели. Наверное, придерживают на черный день.

– Невозможно... – выдохнул Дар-Теен в шепчущий дождик, – сколько же лет прошло с начала войны?

Шеверт нахохлился, точно большая ворона. Потрогал пальцем отваливающуюся подошву башмака и тихо сказал:

– Двадцать.

– Двадцать?!!

Глаза вдруг защипало, хотя дым от костра отнесло в другую сторону.

Где же ты, Дар-Теен, пропадал двадцать лет?

И где теперь Эристо-Вет? Неужели умирала, валяясь на мешковине, и некому было подать воды, поддержать за руку и хотя бы обнадежить?!!

– Ты так удивляешься тому, что я поведал, – Шеверт поднял на Дар-Теена серые, полные боли глаза, – где же ты был все эти годы, северянин?

– Не знаю, – он стиснул кулаки, – не знаю...

– Хорошенькая компания подобралась, – пробурчал кэльчу, – я не помню себя. Ты не знаешь, где пробыл два десятка лет. Андоли понятия не имеет, как удрала из Дворца. Если, конечно, не врет.

– Кто такая Андоли?

– Сам увидишь, – Шеверт беззаботно махнул рукой, – девчонка. Но интересная... Мне все кажется, что она не так проста, как хочет казаться. Они отправились в Кар-Холом за подмогой, скоро должны вернуться.

Дар-Теену показалось странным, что Шеверт с явной неприязнью отозвался о женщине, существе слабом и нуждающемся в поддержке – но промолчал. Шейнира ведаёт, какие у них здесь отношения...

– А чем занимались жрецы серкт? – поинтересовался ийлур, с трудом выговорив название чужого народа.

Сказочник скривился и уныло опустил плечи.

– О, это отдельный разговор, северянин. Серкт, видишь ли, большие выдумщики оказались. Можно даже сказать – мастера на все руки. Стали переделывать то, что творили Покровители.

Кэльчу вдруг запнулся, замолчал. Щека с рваным шрамом нервно дернулась, как будто Шеверт вспомнил что-то неприятное.

– И?..

– И начали с того, что вывели крылатых щеров.

– погоди! – Дар-Теен даже подался вперед, – но ведь это невозможно!

– Они могущественны, – прошептал кэльчу, – они перекраивали тела многих существ. В подвалах Дворца я видел шестируких ийлуrow и элеанов с львиными лапами вместо ног и рук. И все они были живыми, вот что страшно. Живыми...

Шеверт заморгал часто-часто, затем сунул пальцы в заветный сверток и извлек сухую веточку.

– Прости, северянин. Мне не очень хочется это вспоминать. Но если тебе очень интересно, то меня заставляли пить отраву. Я умирал много раз, но каждый раз они вытаскивали меня обратно в Эртинойс... Уж не знаю, как...

Замолчав, Шеверт принялся гонять во рту спасительный черенок.

– Ладно, хватит рассказов, – осторожно сказал ийлур, – надо думать, как можно все исправить.

– Уже все придумали до тебя. Нужно убить Царицу, и тогда серкт будут вынуждены убраться.

Дар-Теен вскинул брови.

– С чего это ты взял? Убьете одну Царицу, появится другая.

– Не думаю, – Шеверт ухмыльнулся, щека со шрамом сморщилась, словно кожура печеного яблока, – кэльчу осталось мало, ийлуrow и элеанов, судя по всему, и вовсе нет. *Им может не хватить жертв, чтобы сотворить новую Царицу и башню Могущества...* Да и не только в этом дело.

– А зачем им ее творить-то?

– Ты не понимаешь, – в голосе кэльчу появилась нотка превосходства, – я много дней провел во Дворце, и под Дворцом. Я точно знаю, что именно Царица дает жизненную силу народу серкт. Как только не станет царицы, чужаки начнут слабеть, и тогда...

– А с чего ты взял, что тогда они уйдут? – хмыкнул ийлур, – я бы никуда не ушел.

В темных глазах Шеверта сверкнула ярость.

– Им понадобится новая царица, до того, как они все передохнут! Но я ведь собственными ушами слышал, как в их темном храме каждое утро возносятся молитвы чужой богине,

и первая строка – новый мир дает новую Царицу, понимаешь? Если бы они могли плодить столько Цариц, сколько хочется – разве пели бы именно так, как поют?!!

– Ну-у, не знаю, – протянул Дар-Теен. У кэльчу тряслись руки, и не хотелось его лишний раз злить, но, но... Вся эта история с изгнанием серкт казалась... слишком уж простой. Почему же до сих пор Царицу не убили? Не смели? Или не получилось?

– Мне кажется, что все это нужно проверить еще не раз, – заключил Дар-Теен.

– Посмотрим, – сухо ответил Шеверт и замолчал, недовольно гоняя во рту свое лекарство. Затем нехотя спросил: – ты что-нибудь знаешь про ключ?

«Странный вопросец», – подумал ийлур, – «и ведь Сказочнику ох как интересно услышать мой ответ. К чему бы?».

– Ключи разные бывают, Шеверт. О каком из них я должен что-то знать?

– О том, который мог бы все изменить. – кэльчу глянул на него в упор, глаза двумя буравчиками нацелились в душу.

– Это было бы хорошо, все изменить, – вздохнул ийлур, – честное слово, если бы у меня был ключик от прошлого, непременно воспользовался бы.

– Поня-атно, – протянул Шеверт, не отводя взгляда.

И вдруг приподнялся, хватаясь за топорик.

– Ты слышишь, северянин?..

Дар-Теен лишь ругнулся в ответ – конечно же, он прекрасно слышал... Волчий вой. Совсем неподалеку.

«Только этого добра нам и не хватало», – мысль эта промелькнула быстро, как малек в чистой озерной водице.

– Дай мне оружие, – бросил Дар-Теен, – хоть что-нибудь...

* * *

Примеряя к руке короткий меч погибшего кэльчу – «Его звали Миль Хитрец», как беспрестанно напоминал Шеверт, – Дар-Теен мрачно думал о том, что наверняка волкам повезет. И бестолковые попытки обороняться лишь продлят агонию, потому что слишком плохие бойцы подобрались – один, чуть что, хватается за сердце, другой – за ногу.

Покосился на Шеверта: тот, вместо того, чтобы выбрать позицию получше, судорожно запикивал за пазуху книгу в коричневом переплете. Кэльчу поймал недоумевающий взгляд ийлура, коротко передернул плечами.

– Мне так спокойнее, северянин.

– Как знаешь, – ийлур хмыкнул, – давай-ка, поближе ко мне.

– Ты был наемником?

– Был, был...

Кем он только ни был в той, далекой жизни! Сперва – дружинником северного владыки, затем – преступником, убившем жреца самого Фэнтара, позже – просто любимым, а заодно и воином Ордена Хранителей Границы...

«Любопытно, а через Границу я могу здесь прыгнуть? В этом новом Эртинойсе?»

Но сейчас было не время и не место для воспоминаний, равно как и не самый подходящий момент для *перехода* – ведь никогда не угадаешь, получится или нет. Там, в прошлом, ему всегда помогала Эристо-Вет, перетаскивая через призрачный водораздел между миром живых и мертвых. У ийлуры это получалось на диво легко, как будто шагала через узкий ручеек. А здесь, в чудовищно изменившемся Эртинойсе?.. Боги ведают, какие законы мироздания действуют теперь.

... Первый волк появился на поросшем мхом пригорке, похожем на безобразную коричневую бородавку. У Дар-Теена зло кольнуло под ребрами: и это – волк?!!

Огромная, заросшая жесткой серой шерстью туша медленно переваливалась на когтистых лапах. Из приоткрытой пасти тянулись веревками слюни, черный раздвоенный язык подрагивал в предвкушении легкой добычи.

Дар-Теена передернуло от отвращения. Вот это тварь! Ей-то даже и за горло жертву не нужно хватать, достаточно навалиться всем весом – и готов свежайший обед...

– Великоват для волка, – не удержался ийлур, – здесь что, все волки такие?

– В Гнилых топях – да, – Шеверт нервно перебросил из руки в руку топориче.

– И что, стаями ходят?

Вопрос, само собой, остался без ответа, потому что рядом с первым зверем появился второй, затем – третий...

– Превеликая Бездна! – обреченно выдохнул Сказочник, – похоже, нам конец.

И в этот миг вожак стаи прыгнул.

Огромная и тяжелая тварь взмыла в воздух с легкостью кузнечика, серой тенью размазалась в сумерках.

– На землю! – успел гаркнуть Дар-Теен, и сам, хрипя от обжигающей боли под коленом, рухнул в остывшую золу.

Туша пронеслась мимо, грациозно приземлилась в двух шагах от Шеверта и, злобно ворча, повернулась.

«Ну, вот и все», – мысли ворочались вяло и неохотно, как будто понимая, что торопиться уже некуда и незачем.

Дар-Теен успел глянуть на кэльчу: тот резко выбросил руку вверх – и в сторону твари, швыряя круглую склянку. Волк, словно почуяв неладное, метнулся вбок, но было поздно. Тонкое стекло разбилось на сотни осколков, ярко-голубая жидкость кляксой растеклась по звериной шкуре... Вспыхивая злым пламенем, которое во мгновение ока хлесткими щупальцами опутало тварь.

– Ничего, прорвемся! – весело крикнул Шеверт.

В его руке блеснула следующая склянка, которую он тут же мастерски послал навстречу второму зверю. Огонь послушно растекся по траве, волки шарахнулись в стороны, сминая друг дружку. А первый волк уже удирал, оглушительно вереща – не волк, а живой факел.

Дар-Теен сплюнул прогорклую слюну и начал подниматься. Под коленом взорвался огненный шар боли, но ийлур только выругался. Вставай, вставай, Дар-Теен. Ты мужчина, и должен быть сильным – настолько, чтобы перевернуть весь этот мир вверх дном и исправить чужие ошибки. Именно так сказала бы Эристо-Вет, которая не отступала никогда и ни при каких обстоятельствах, доводя начатое до завершения.

Ийлур кое-как поднялся, одной рукой цепляясь за тонкий ствол елки, в другой сжимая кривой меч – и обомлел.

Прямо на него из зарослей можжевельника с интересом взирал матерый, с сединой на морде волчище.

– Шеверт, сюда!

Но Дар-Теен уже знал, что кэльчу не успеет. Зверь попросту рванулся вперед и... внезапно остановился. Могучие лапы подогнулись, и волк шумно осел на землю. Из глаза торчало яркое оперение стрелы.

А кэльчу вдруг запрыгал мячиком, бестолково размахивая руками.

– Давай, давай сюда! – вопил он кому-то, задрав голову, – вовремя вы подоспели!

Волки, словно почуяв превосходящего по силам противника, убрались; их тени еще несколько мгновений мелькали среди жидких елок, а потом и вовсе растворились среди болот.

Дар-Теен посмотрел на небо – там кружили два странных создания, с длинными телами, с крыльями, похожими на крылья летучих мышей...

Шеверт подбежал и дернул Дар-Теена за рукав.

– Смотри, это то, о чем я говорил. Выведенные жрецами крылатые щеры. Великий Хинкатапи, как здорово, что они так быстро вернулись!

«Крылатые. Щеры.» – повторил про себя Дар-Теен.

Все виденное походило на безумие – и чудовища, названные волками, и кружащиеся над болотами твари. Но, к сожалению, было реальностью – новой и безжалостной.

– Мы их называли крыланами, – терпеливо пояснил Сказочник, – правда, красиво?

... Тем временем первый крылан сложил крылья и камнем рухнул где-то поблизости. Затрещали ломаемые под тяжелым телом деревца, послышался звонкий голосок, обладатель которого ругался так, что у Дар-Теена кровь прилила к щекам.

– Иди, иди за мной! Тьфу, да что же за тварь упрямая! – последовало еще одно красочное сравнение, после которого зверь все-таки двинулся вперед, шумно ломая болотную растительность.

Второй крылан начал садиться туда, где первый уже подготовил местечко, а из-за перышек серебристой ели высунулась квадратная зеленая морда, вся в темно-синих полосках. Желтые глазки подозрительно впились в Дар-Теена, и тот едва успел посторониться, когда зеленая туша уверенно двинулась вперед, волоча по земле крылья.

– Ну, я вижу, мы успели, – радостно звякнул девчоночий голос.

Его обладательница шла по другую сторону крылана, и Дар-Теен ее пока не видел. пожалуй, единственное, что бросилось в глаза – это облако, набежавшее на лицо Сказочника.

– Я и не ждал вас так скоро, – кэльчу принялся деловито складывать вещи, – откуда крыланов-то взяли?

– Отряд Зубастого отбил... А ты, можно подумать, не рад? Еще немного, и вас бы схрумали на обед волки, и тебя, и этого...

Тут, видимо, девушка пришла к выводу, что неплохо и познакомиться с «этим», и, наклонившись, выглянула из-под зеленой шеи крылана.

Дар-Теен чуть не подпрыгнул: выходит, Шеверт врал? И в Эртинойсе остались ийлуры?..

Через удар сердца он понял, что ошибся. С худенького и бледного личика на него внимательно глядели огромные аметистовые глаза элеаны. Черные волосы, отливающие синевой, были гладко причесаны и собраны в длинную тугую косу. Обычная элеана, маленькая и хрупкая, как подросток, только вот...

«Превеликие Покровители! А как же крылья?»

– Это Андоли, – недовольным тоном сообщил Шеверт, – Андоли, ийлура зовут Дар...

– Дар-Теен, – неожиданно сам для себя поправил он.

В двух аметистах запрыгали смешинки, элеана быстро нырнула под шею крылана и в два счета оказалась напротив.

– Очень приятно встретить тебя, Дар-Теен. Как твоя нога?

– Погано, – он приподнял раненую конечность, – кто меня так порезал?

– Кто-кто, Сказочник конечно, – Андоли широко улыбнулась, демонстрируя ряд мелких жемчужных зубок, – но если бы он этого не сделал, в Кар-Холоме тебе по самое бедро бы ногу подровняли.

Тут с треском и хрустом на пригорок вывалился второй крылан, которого угрюмо тащил на поводу молодой кэльчу. Чересчур высокий для сына Хинкатапи, он, похоже, слишком стеснялся и своего роста, и больших ног и рук, а потому сутуло брел, сверкая исподлобья карими глазами. Похож он был... на взъерошенного и драчливого воробья, иначе и не придумаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.